

НЕПРАВИЛЬНЫЙ

===== Правильный =====

Помощник окружного прокурора Кейт Тиммонс был тот ещё гад, по общему мнению детективов двадцать третьего полицейского участка Санта-Барбары. Так считал даже возглавлявший их капитан Вито Гонсалес.

Кейт Тиммонс был высоким светловолосым лощёным фертом с иронической усмешкой, будто застывшей на тонких губах. Сам себя он считал, видимо, завзятым остряком, потому что отпускал циничные шуточки, даже находясь на месте преступления. Вообще-то они были бы даже смешными, если бы не были такими гадкими.

Крузу Кастильо, как и всем другим детективам двадцать третьего, не раз хотелось вмазать Кейту по зубам и испортить работу его дантиста. Но Круз только стискивал собственные зубы до хруста и терпел. Ссориться с прокуратурой — себе дороже. Это значило мгновенно уронить ниже плинтуса репутацию участка и помешать дальнейшим расследованиям.

А Кейт Тиммонс мог изрядно испортить детективам жизнь, если бы получил к тому повод.

Он и так ставил им палки в колёса: вечно придирался по мелочам, задерживал ордера на обыск, зачастую крайне необходимые чем раньше, тем лучше, упражнялся в своём левом остроумии, если

детективам случалось в его присутствии свидетельствовать в суде... и так далее. Список претензий к Кейту Тиммонсу у двадцать третьего участка был длиною с руку. Но ему было на это плевать.

А ещё он был расистом, хоть и не выказывал этого явно, но всё равно рано или поздно любому непредвзятому человеку становилось ясно, что Кейт терпеть не может всех цветных, в том числе и «голубых». И шуточки его, и гримасы носили вполне определённый смачный душок.

Поэтому, когда на помощника окружного прокурора вдруг было совершено покушение, детективы двадцать третьего втихомолку позлорадствовали.

И Круз Кастильо тоже.

— Нашего змеюгу бомбанули, — радостно сообщил Крузу по рации дежурный полицейский сержант Мартин. — Только что. К его дому подъезжай, знаешь, куда? Угол Цветочной, возле церкви Воскресения Христова. Приём.

— В каком смысле бомбанули? Приём, — уточнил Круз, который тоже ждал смены с дежурства.

— В прямом, в кухню подложили взрывное устройство, полдома разнесло. Приём, — отозвался Мартин.

— Любопытно, — протянул Круз и отключился, весело переглянувшись с напарницей, Кайлой Дженкинс, молодой хорошенькой мулаткой, свежеиспечённым детективом. Тиммонс уже сумел и её достать.

Возле его дома, невзирая на ранний час, собралась небольшая толпа зевак, не пытавшихся, впрочем, проникнуть за жёлтую ленту, огораживавшую место преступления. Им, как и Крузу, было просто любопытно.

Дом, кстати, не столь сильно пострадал, как это расписал сержант: взрывом выбило окна и покорёжило крышу в пристройке, где и находилась кухня. Под каблуками в маленьком патио, примыкавшем к ней, хрустело стекло. Круз непроизвольно поморщился. Тут уже работал сонно позёвывавший эксперт Гладстон, щёлкавший фотовспышкой, который и сообщил Крузу, что, по предварительным данным, устройство было на фотоэлементах и сработало от движения, когда Тиммонс вошёл на кухню в семь двадцать утра, то есть тридцать минут назад. Но сработало слишком рано — помощник прокурора не преодолел даже дверного проёма, так что не получил никаких увечий, его лишь поцарапало разлетевшимися осколками стекла.

— Ну и обосрался, полагаю, — философски заключил Гладстон и снова широко зевнул.

— Пойду проверю и допрошу заодно, — ухмыльнулся в ответ Круз и направился во двор.

Там, впрочем, он сразу согнал с лица злорадную улыбку, и не только из соображений субординации.

Кейт Тиммонс, язва и светский хлыщ, выглядел слишком плачевно, сидя на ступеньках машины парамедиков — закутанный в синее казённое одеяло и с пластиковым стаканчиком в руках, из которого он даже не пил, пребывая, кажется, в каком-то ступоре. На его лоб и правую щёку парамедики успели наклеить телесного цвета пластыри, но кожа Кейта была куда белее этих пластырей, а длинные изящные пальцы, машинально сжимавшие стаканчик, заметно подрагивали.

Никто около него не суетился. Никто ни о чём не спрашивал.

Круз нахмурился, подходя к нему.

— Доброе утро. Ты один живёшь? — отрывисто спросил он, хотя уже знал ответ на этот вопрос. — Никто больше не пострадал?

Кейт поднял на него светлые запавшие глаза и как-то странно повёл головой, словно подавляя нервную судорогу:

— Один. И я тоже не пострадал, — кратко ответил он. — Ты будешь вести расследование, Кастильо?

— Вероятно, я, — помедлив, отозвался Круз. — Это моя территория. И я на дежурстве, не успел смениться. Так что придётся тебе меня терпеть, Тиммонс.

Тот снова странно дёрнул головой и ответил с кривой усмешкой:

— А тебе — меня. Ваши небось пляшут от радости, что со мной такая жопа случилась, признайся.

Помощник прокурора начал оживать, и это вдруг обрадовало Круза.

— Поступали ли тебе угрозы, какие-то письма, звонки? — сделав вид, что не слышит подковырки, официальным тоном осведомился он.

Тиммонс ещё раз зыркнул на него из своего одеяльного куля и отрезал, даже не раздумывая:

— Нет.

«Врёт», — внезапно понял Круз. Он привык доверять своему наитию. А оно сейчас подсказывало ему, что помощник окружного прокурора Кейт Тиммонс только что ему соврал.

Но по какой причине?

Во всём этом было что-то болезненно-странное.

Но вслух Кастильо этого не сказал. Он только кивнул Кейту и, оставив вышедшую из дома Кайлу заполнять все требуемые бумаги, направился к машине.

* * *

На официальном допросе в двадцать третьем участке Кейт Тиммонс дал примерно те же показания: никаких писем и звонков с угрозами лично он не получал, врагов у него множество (это было сказано даже с гордостью), особенно среди тех, кому он поспособствовал попасть за решётку. «И не только», — меланхолично подумал Круз при этих словах. Ещё Тиммонс сообщил, что вернулся домой из ночного клуба, дом отпер, как обычно. Ничего подозрительного не заметил, на кухню зашёл выпить минеральной воды и освежиться, чтобы потом лечь и отдохнуть перед работой пару часов. Накануне вечером, заезжая домой переодеться перед визитом в клуб, он опять же не заметил следов взлома или постороннего присутствия.

Следовательно, преступник проник в дом после ухода Кейта, если только не притаился где-нибудь так, что хозяин его не заметил, что было маловероятно.

В ответ на небрежный вопрос Круза, в каком клубе тот провёл ночь, Кейт демонстративно поднял брови:

— Это имеет значение? В «Пеликане».

«Пеликан» был чрезвычайно пафосным и дорогим заведением, где стоимость бокала фирменного коктейля была равна недельной зарплате детектива двадцать третьего участка.

Круз только молча кивнул, принимая ответ, в то время как остальные находившиеся в участке полицейские втихомолку переглядывались.

После того, как за Кейтом закрылась входная дверь, все принялись возбуждённо пересмеиваться, комментируя происшествие с помощником прокурора. Почему-то это было Крузу неприятно, но толки тут же оборвал капитан, поинтересовавшийся, какого чёрта подчинённые мелют языками вместо того, чтобы работать. После чего все разошлись, сочувственно похлопывая Круза по спине — ещё бы, ведь теперь ему придётся постоянно возиться с говнюком Тиммонсом, который потребует немедленного раскрытия дела, ясен пень.

А вот Круз не был так в этом уверен. Напротив, у него сложилось впечатление, которое он не озвучивал коллегам — что Тиммонс был бы рад, если бы дело о покушении закрыли прямо сейчас, спустив на тормозах расследование.

Между тем всё к этому и шло. Данные экспертизы в доме Кейта показали, что на месте преступления не осталось отпечатков пальцев, преступник действовал в перчатках. Взрывное устройство было стандартным, каким пользуются начинающие бомбёры. Круз поднял из архива сведения обо всех, ранее замешанных в подобного рода делишках, например, во взрывах афроамериканских церквей. Все эти люди отсутствовали в Санта-Барбаре: кто-то умер, кто-то выехал, кто-то находился в тюрьме. Среди тех, кто был обязан своей отсидкой лично Кейту Тиммонсу и вышел на свободу, взрывников не было.

Тиммонс перешёл дорогу местной наркомафии? Не их почерк. И уж в чём в чём нельзя было обвинить помощника окружного прокурора,

так это в том, что он обслуживает интересы какого-нибудь мафиози. Тиммонс, конечно, был гадом, но гадом честным.

Выйдя из участка к вечеру, Круз уселся в свой «Форд» и, немного поразмыслив, отправился в «Пеликан».

Туда он вошёл со служебного входа, показав охраннику жетон и попросил о встрече с теми, кто работал здесь вчера. Тут же выяснилось, что ни бармен, ни охрана прошлой ночью Кейта Тиммонса не видели, да и завсегдатаем «Пеликана» он не являлся.

Круз почему-то вовсе не удивился услышанному. Он снова уселся в машину и покатил напрямик к дому помощника окружного прокурора.

* * *

Кейт открыл ему дверь — босой, в длинном бежевом махровом халате, со спутанными влажными волосами, которые он только что вытирал полотенцем, теперь свисавшим с подлокотника кресла в холле.

— Чего тебе, Кастильо? Какие-то новости? — резко спросил Кейт вместо приветствия, машинально приглаживая волосы.

Круз не стал ходить вокруг да около, а ответил прямо:

— Новостей никаких нет, кроме той, что ни в каком «Пеликане» в ночь перед взрывом ты не был. Я опросил там обслугу. Тебя никто

не помнит, да ты там и не завсегда, оказывается. Зачем соврал? Только не ври опять, я ведь не поленюсь методично обшарить все ночные клубы в округе по списку, размахивая твоей фотографией. Тебе это нужно?

Кейт молчал, как убитый. Лицо его снова стало очень бледным, как тогда, на ступеньках машины парамедиков.

— И ещё мне сдаётся, — добавил Круз, так и не дождавшись ответа, — что ты не хочешь, чтобы расследование увенчалось успехом. Если бы ты этого хотел, ты бы с нас живых не слез: без конца бегал бы и названивал к нам в участок, угрожал бы, что дойдёшь до генпрокурора и тому подобное. Нет же, ты сидишь, как мышь под метлой. В чём дело, Тиммонс? Знаешь преступника? У него на тебя зуб за дело?

Ответа он снова не дождался и тогда, вопреки желанию, мягко позвал:

— Кейт?

Тот вскинул на него затравленный взгляд, облизнул губы и наконец выдавил:

— Да. Не для протокола, Кастильо. Я его знаю.

— Его или её? — поколебавшись, продолжал Круз.

У него почти сразу, как только Кейт начал вилять, возникли некоторые предположения относительно неудачного романа помощника прокурора, в ходе которого произошёл разрыв, и обманутая сторона принялась мстить. Уж очень топорно был организован этот взрыв — не как покушение на жизнь, а как предупреждение или месть.

Кейт Тиммонс тоже долго колебался, прежде чем наконец ответить:

— Его.

Круз постарался, чтобы у него на лице не отразилось удивление, и надеялся, что это ему удалось.

— Выходит, ты был в гей-клубе? — негромко спросил он и тут же добавил: — не хочешь, не отвечай, я всё равно спущу дело на тормозах.

Кейт так отчаянно кусал губы, что у Круза сжалось сердце.

— Да, — наконец прохрипел тот и на миг измученно прикрыл глаза.

— Да. Я... пытаюсь забыть этого дурня. А он... такие номера откалывает. Но он уже свалил отсюда. Это была прощальная гастроль, — он принуждённо ухмыльнулся. — И я тоже уеду.

— К нему? — вырвалось у Круза.

— Нет, — Тиммонс чуть удивлённо покачал головой. — Там всё кончено, правда. Просто уеду, потому что всегда буду думать, что ты проболтаешься... и моей карьере конец.

Его взгляд стал острым, испытующим.

— Но ты же всегда можешь укокошить меня, — с такой же вынужденной усмешкой пробормотал Круз. — Послушай, я не собираюсь болтать и губить твою карьеру, даю слово. Должен же быть в прокуратуре хоть один говнюк, которого все дружно ненавидят, иначе жить станет неинтересно, кто ж нам будет палки в колёса вставлять?

Кейт скривился:

— Херасе, какой ты благородный, Кастильо.

— Да, я такой, — невозмутимо подтвердил Круз.

— Правильный, — гнул своё Кейт, прожигая детектива взглядом. Его бледные скулы порозовели.

— Да, — снова глубокомысленно согласился Круз. — Именно так. Я правильный.

Он вдруг сообразил, какой смысл вкладывает Кейт в это слово. Господь всемогущий, да он же просто стоит и клеит его!

Круз в замешательстве кашлянул и торопливо заключил:

— Значит, я потихоньку переведу это дело в разряд «висяков».

Кейт глубоко вздохнул и проворчал:

— Капитан тебя выебет.

— Он предпочитает девушек, он тоже очень правильный, как и я, — Круз развернулся и выскочил за дверь, слыша за спиной сдавленный смешок Кейта Тиммонса.

А потом он просто сел в машину и поехал домой.

===== Неправильный =====

Круз Кастильо, детектив двадцать третьего полицейского участка Санта-Барбары, не рад был тому, что вывел на чистую воду помощника окружного прокурора Кейта Тиммонса. Нет, он вовсе не ловил Кейта за руку при получении взятки, не натыкался на кассеты с видеозаписью его встреч с местными мафиозными воротилами. Змеюка Тиммонс был таким же честным служакой, как и он сам.

Но он был геем, и этот секрет Круз вызнал, расследуя покушение на его жизнь, устроенное брошенным ревнивым любовником Кейта.

Другой бы, возможно, и позлорадствовал, обладая этаким «грязной тайной», либо, ещё пуще, принялся бы Кейта шантажировать. Сам Кейт стопроцентно так бы и поступил, окажись он на месте Кастильо. Потому что он был тот ещё говнюк. Но уподобляться ему Круз не собирался, хмуро заверил помощника прокурора в том, что спустит расследование на тормозах и бежать тому из города вовсе не следует. Дурак, чего уж там. Пускай бы Тиммонс, зануда и педант, попортивший детективам двадцать третьего немало крови, свалил бы ко всем чертям в закат, так нет же.

Вспоминать же ещё и о том, что при этом дурацком разговоре в доме помощника прокурора тот позволял себе в его адрес какие-то левые намёки, Круз решительно не желал. Как и об уставившихся на него со странной смесью ехидства и мольбы светлых глазах Кейта Тиммонса.

* * *

Нельзя сказать, что когда с Крузом случилось несчастье, никто его не поддержал. Нет, он не был ранен или травмирован. Но по его вине напарница Кайла Дженкинс сейчас находилась в коме в отделении интенсивной терапии местной больницы.

Круз не успел её ни прикрыть, ни оттолкнуть в сторону, когда на неё обрушилась тяжёлая балка, сдвинутая с места преступником, удиравшим от них среди руин заброшенной авторемонтной мастерской на окраине. Перелом рёбер и черепно-мозговая травма... и вот теперь Кайла, такая живая и хорошенькая, лежала недвижимо, с перебинтованной головой, за стеклом, отделявшим палату от посетителей. В отделение Круза не пускали, но он

упросил. Стоял долго, засунув кулаки в карманы и с болью глядя на посеревшее осунувшееся личико Кайлы. Лучше бы он сам там лежал, честное слово.

Ребята пытались его утешать, зовя с собой в бар, неловко хлопая по плечам, но Круз только мотал головой. Мать Кайлы, хорошо его знавшая (он иногда забегал к ним на домашнюю паэлью и булочки с корицей) тоже ни в чём его не винила, а сталкиваясь с ним в холле больницы, пыталась ободрить.

Но он знал, знал, что виноват, и эта вина тяжёлым грузом придавливала его к земле. Он практически не уходил с работы, брался за лишние дежурства, спал в комнате отдыха на диванчике, рядом с автоматом по продаже чипсов и газировки, названивал в больницу, чтобы узнать, что состояние Кайлы без изменений... и чувствовал себя полным дерьмом.

Спустя неделю такой жизни, когда он наконец заехал к себе домой, чтобы помыться и сменить одежду, к нему в дверь позвонил Кейт Тиммонс.

* * *

Увидев его на пороге – привычно лощёного, в дорогом с иголки костюме-тройке, Круз хотел было осведомиться: «Какого хера?», но сдержался и только буркнул:

– Чего тебе, Тиммонс? Мне надо в участок.

Говоря это, он машинально пригладил растрёпанные волосы, влажные после душа, и, конечно, немедленно вспомнил, как сам заявился в дом к только что вылезшему из ванной Кейту.

И ещё он, грешным делом, подумал, застёгнута ли у него ширинка джинсов, но проверять, разумеется, не стал, даже глаз не опустил.

– Ты и так там живёшь, в участке в своём сраном, – легко отпарировал Кей, криво ухмыльнувшись и взмахнул зажатым в руке бумажным пакетом. – Я вина принёс. Ты что, спал с ней, что ли, с этой девчонкой, с Кайлой, что так переживаешь?

Круз немедленно завёлся и процедил, зло уставившись в сощуренные глаза помощника прокурора:

– Во-первых, нет, не спал, а во-вторых, не твоё дело.

Он с большим трудом проглотил слово «собачье».

Кейт перестал ухмыляться и на миг отвёл взгляд. Потом снова взмахнул пакетом:

– А чего же тогда ты так заходишься?

Круз как-то сразу остыл. Конечно, что он может понять?.. Прокурорский!

– Мы напарники, знаешь ли. Прикрываем друг друга. И если кто-то облажался, второму это может стоить жизни. Вот как с Кайлой.

– Это же просто работа, – подумав, заявил Кейт. – Тебе могли дать в напарники кого угодно. Другого. Мудака какого-нибудь. Меня, например.

Он снова растянул большой рот в принуждённой ухмылке.

– Вот радость-то, – пробормотал Круз, искоса глянув на него.

– Нет, правда, – не отставал Тиммонс. – Если бы тебе меня дали в напарники, а ты вот так облажался, – что, неужто бы тоже переживал?

Круз в некоторой растерянности смотрел на него, не зная, что ответить.

– Круз? – поторопил Тиммонс.

– Ну вот что ты пристал? – устало пробормотал тот и потянулся за своей курткой. – Ты не мой напарник и сроду им не будешь, ты злобучий прокурорский. Давай выкатывайся вместе со своей бутылкой, я уже, считай, на работе.

Кейт вроде как даже развернулся к двери, но потом опять застрял на пороге, косясь на Круза через плечо:

– Тогда давай подвезу.

Да что ж это за липучка такая?! Но Круз не мог не признать, что его чёрную тоску и погружённость в себя Кейт всё-таки немного развеял.

– Ладно, подвези, – со вздохом согласился он, вспомнив, что его собственная тачка на профилактике, а домой его закинул Боб Хейли. Но ведь он мог и такси вызвать.

Круз уже собрался сообщить Кейту про такси, но взглянул в его напряжённое лицо и со вздохом поднял брови:

– Чего застрял? Пошли тогда.

* * *

Но они только и успели, что доехать до кинотеатра Эдвардса. Раздавшийся изнутри треск выстрелов, который ни с чем нельзя было спутать, и отчаянный женский визг – эти звуки не были частью боевика!

Круз отреагировал мгновенно, выхватывая пистолет из всегда находившейся под пиджаком кобуры:

– Звони в полицию, Тиммонс! Вон будка! У тебя же рации нет? Скажи, тут перестрелка!

Когда он, пригибаясь, добежал до угла кинотеатра, Тиммонс догнал его несколькими кенгуриными прыжками. Завидев его, Круз чуть не взвыл:

– Да ты ебанулся, что ли?! Быстро вернись в машину!

– Хер тебе, мы теперь напарники! – радостно заявил этот идиот. В руке у него откуда-то взялся кольт-сорокапятка.

Круз лишь тоскливо выругался по-испански и присел за мусорным баком, когда прямо возле его уха цвинькнула пуля. Ободренный полосатый кот выскочил из бака и стрелой понёсся вверх по проулку, задрал хвост.

Позже выяснилось, что некий обдолбанный торчок по имени Бен Муркок сперва решил грабануть кассу кинотеатра, но кассирша завизжала и нажала тревожную кнопку. Тогда он всадил пулю в зеркало на противоположной стене и принялся палить направо и налево по разбежавшимся, будто зайцы, зрителям. При этом он орал и хохотал, как сумасшедший. Впрочем, таковым он и был.

– Прикрывай меня! – гаркнул Круз азартно сверкавшему глазами Кейту и едва не застонал, увидев, какая счастливая улыбка расплывается по вспыхнувшему лицу помощника прокурора. Про себя он решил: если они выберутся из этой жопы живыми, он пересчитает Кейту Тиммонсу все тридцать два зуба, не боясь

больше попортить работу его дантиста. Причём прямо рукоятью пистолета пересчитает.

Когда им удалось проникнуть в зрительный зал через пожарный выход, Круз выпрямился во весь рост, не опуская, впрочем, пистолета. Бен Муркок, расстрелявший, как потом выяснилось, все патроны, стоял, пошатываясь и тупо уткнувшись остекленевшим взглядом в ухмыляющуюся физиономию Фредди Крюгера на огромной афише. Круз гаркнул:

– Лежать! Руки за голову!

Но тот не отреагировал, и тогда он просто саданул его по темечку пистолетом, подскочив сбоку под рычание Тиммонса: «Куда? Куда-а, мать твою?!» Он уложил безжизненное тело лицом вниз на засыпанный осколками стекла пол, застегнул на нём наручники и только потом обернулся к Тиммонсу, который подбегал к нему с перекошенной физиономией, в вымазанном каким-то дерьмом костюме.

– Ладно тебе, он же овощ, – успел брякнуть Круз, прежде чем получил по зубам.

Спасибо, не рукоятью револьвера.

* * *

– Скотина, – с чувством повторил Круз в очередной раз, осторожно ощупывая языком передние зубы. Они, кажется, не шатались, но во

рту всё ещё отчётливо ощущался металлический привкус. Удар у скотины Тиммонса был поставлен, ничего не скажешь.

– А ты чего в него не шмальнул? – тоже в очередной раз огрызнулся тот. – А если бы он повернулся и шмальнул в тебя? Если бы у него ещё одна пушка была?

– Я чуял, – вяло возразил Круз. – Чуял, что нихуя у него нету, у торчка этого.

Они с Кейтом сидели в его машине возле дома Круза. Просто тупо сидели, и всё, пялясь на неосвещённые окна. Адреналиновая буря отбурлила, пришла апатия и нежелание шевелиться.

– А ты ничего так, годный, – неожиданно для себя похвалил Круз, покосившись на Тиммонса.

Тот расцвёл, – видать, не все эмоции улетучились, – потом пошарил под сиденьем и извлёк уже знакомый бумажный пакет с бутылкой.

– Открывать чем будешь? – ехидно поинтересовался Кастильо, и тут выяснилось, что пижон и сноб Тиммонс притащил ему какое-то дешёвое пойло со сворачивающейся пробкой, что с лихостью и продемонстрировал. А потом взял и отпил прямо из горлышка. Раз, другой – и протянул бутылку Крузу.

– Зараза, – покрутил тот головой и сам приложился к бутылке как следует. Вино было сладким, терпким, с каким-то медовым

привкусом. Круз отпил ещё, удивлённо взглянув на помощника прокурора.

– У меня рядом с домом некто Суарес этим пойлом торгует, – ответил тот на невысказанный вопрос. – Подогнал мне ящик. Отрава, конечно, но вкусно, – он отобрал у Круза бутылку и опять основательно приложился к ней. Глаза его блестели в полумраке салона.

– Всё-таки берёшь взятки, – констатировал Круз, с наслаждением откидываясь назад и вытягивая ноги, насколько возможно. Хмель мягко ударил в голову. Он отнял у Кейта бутылку, снова глотнул, плотно прикрыв глаза, его попускало – впервые за эту адскую неделю... и потому он не сразу понял, что Кейт Тиммонс, помощник окружного прокурора, пижон и сноб, очень осторожно тянет вниз «молнию» на ширинке его джинсов!

– Что за номера? – прохрипел Круз, ошалело моргая. Руки у него были заняты. Одна – откупоренной бутылкой, вино из которой никак нельзя было расплескать по этому чистенькому, пропахшему лимонной отдушкой салону. В левое же его запястье мёртвой хваткой вцепился спятивший Тиммонс. Свободной рукой он судорожно зашарил в расстёгнутых джинсах Круза... пока с удовлетворённым вздохом не вобрал в рот его член.

Круз с таким же длинным вздохом, только полным изумления, откинул голову на спинку сиденья. Ему стоило отоварить Тиммонса кулаком по дурной башке. Стоило вылить на эту самую башку остатки вина из бутылки. Ему стоило... стоило...

Вместо всех этих разумных рациональных действий он выронил бутылку, с глухим стуком брякнувшуюся на коврик под ногами, и с истинным удовольствием запустил пальцы в густые светлые волосы Кейта, голова которого ходила вверх-вниз на его пульсирующем члене.

Чёрт бы его побрал.

Когда наконец Кейт вскинул на него торжествующий взгляд, откашливаясь и утирая ладонью рот, Круз только и сказал устало:

– Секс между напарниками не приветствуется, Тиммонс.

– А почему? – внезапно спросил Кейт.

Круз тоже откашлялся и деревянным голосом пояснил:

– Это будет мешать работе.

– Нам не мешает, – нагло заявил Тиммонс, и Крузу остро захотелось взять его за грудки и потрясти. Чтобы вытрясти всю эту дурь. Но тут он услышал, как внутри его дома разрывается телефон.

Подхватив сползавшие штаны, он натянул и застегнул их под тихий смешок Кейта и опрометью ринулся к дому, от волнения не сразу попав ключом в замочную скважину.

Телефон умолк, но, к счастью, тут же затрезвонил снова, едва Круз ворвался в свой крохотный холл.

Это была мама Кайлы Дженкинс. Захлёбываясь радостными слезами, она сообщила Крузу, что Кайла пришла в сознание и что врачи говорят: теперь за её жизнь и здоровье можно не опасаться.

– Господи, – вымолвил Круз и привалился плечом к стене. Краем глаза он увидел, как мигнули удаляющиеся габаритные огни машины Тиммонса.

Кейта.

Прокурорского, который сегодня спас ему жизнь.

Стал его напарником.

Чёрт бы его подрал.

===== Ангел-хранитель =====

Круз Кастильо, детектив двадцать третьего полицейского участка Санта-Барбары, не собирался никогда более вспоминать о том, что произошло между ним и помощником окружного прокурора Кейтом

Тиммонсом. Произошло неделю назад в собственной машине последнего после того, как они вдвоём обезвредили психа, открывшего стрельбу в кинотеатре. Виной всему был адреналин, не выветрившийся из крови, да бутылка дешёвого сладкого вина, припасённого Тиммонсом, которую они распили там же, в его машине. Прямо из горла, по очереди передавая бутылку друг другу.

Непрямой поцелуй.

Почему он не мог перестать про это думать? Он ведь был пьян, пьян от вина, адреналина, ударившего в виски, и от этой бледной немочи Кейта, который, пользуясь его ... Круз даже не знал, как назвать состояние ступора, накатившее на него... в общем, воспользовавшись его слабостью, чёртов Тиммонс, будь он трижды приподнят и пришлёпнут, полез к нему в ширинку.

Оральный секс — вот как это называлось на языке полицейских протоколов, которых Круз самолично написал такую уйму, что этими листками можно было устелить всё федеральное шоссе от Санта-Барбары до Санта-Моники.

Кстати, не исключено, что сукин кот Кейт что-то подмешал тогда в своё вино. Да, вот так взял и подмешал. Ну и что, что с виду бутылка казалась невскрытой? Круз прекрасно знал, как проделываются такие штуки. Берётся шприц и вгоняется сквозь пробку, подумаешь.

Он не хотел думать, вот именно что. Не хотел вспоминать.

Больше всего он сейчас боялся, что гад Тиммонс возьмётся преследовать его, снова заявится к нему домой или, не дай бог, в участок. Круз не представлял, что тогда скажет и сделает. Но у Тиммонса хватало ума держаться от него подальше, Круз не наткнулся на него даже в прокуратуре, и в двадцать третий он и носу не казал. Другие ребята, освобождённые от назойливого прокурорского, не могли не радоваться по этому поводу. И Круз тоже радовался. Да, именно так, он просто ликовал... ни о чём не вспоминал... и совершенно не беспокоился о том, куда это канул зараза Кейт. Да-да. Совсем не беспокоился.

Он наткнулся на Тиммонса при таких обстоятельствах, каких не пожелал бы и злейшему врагу. Он стоял в очереди за утренним кофе, и его чуть не убили. Ничего себе, да?

Итак, Круз покорно стоял в очереди, как какой-то штатский, через головы с выкриками «Пропустите, я полицейский» не лез и только прикидывал в уме, кто из ребят какой кофе любит: капучино, эспresso или латте. И тут он заметил в хвосте очереди бледную остроносую физиономию Тиммонса. Сперва, конечно, он глазам своим не поверил, решил — показалось. Потом ощутил горячий прилив постыдной радости — цел! — и так же мгновенно — невыносимый стыд. И без перехода — ярость, от которой у него потемнело в глазах. Ведь это было хер знает что такое!

Вот именно — хер знает, немедля подсказал ехидный голосок у него в мозгу, и Круз едва не взвыл, готовый запустить в Тиммонса схваченными с грязного подноса пластиковыми стаканами с недопитым кофе, когда что-то просвистело мимо его правого уха. И только потом он услышал щелчок выстрела, резкий, как удар бича.

Дальше он действовал автоматически, как любой коп на его месте: заорал «Ложись!», сгрёб ближайших соседей по очереди, швыряя их на пол под женский отчаянный визг, упал сам, перекатился набок, одновременно выхватывая пистолет — как раз вовремя, чтобы увидеть, как полоумный Кейт Тиммонс галопом несётся в проулок вслед за каким-то мутилой в чёрном балахоне.

Крузу не надо было объяснять, что этот мутила только что стрелял в него. Больше того — он его узнал: досрочно освобождённый придурок по имени Эд Браун, которого Круз три года назад самолично упрятал за решётку за вооружённый грабёж. Видимо, в тюрьме Эд только и делал, что вынашивал планы мести. Но сейчас Крузу было не до размышлений об этом. Потому что Тиммонс оказался ещё большим придурком, чем Эд, которого тот гнал по грязному проулку, не подозревая, что впереди — тупик.

Круз припустил по тому же проулку, как спринтер-олимпиец, мать его, молясь и матерясь про себя... и успел как раз вовремя: Кейт Тиммонс пытался ухватить Эда, карабкающегося по пожарной лестнице, за ногу, а тот орал и лягал его свободной ногой.

— Где его ствол? — выдохнул Круз, подбегая.

— Он его... в помойку... выбросил, — пропыхтел Кейт, на миг обернувшись. — Придурок хренов.

— Ты не лучше, — процедил Круз, и они в четыре руки стащили с лестницы разрыдавшегося Эда — видать, в тюрьме этот дурень совсем поехал кукушкой.

Завывая сиреной и сверкая мигалкой, в проулок въехала полицейская машина, и все трое — продолжающий всхлипывать и горестно стенать Эд, насупленный Круз и довольно улыбающийся Кейт Тиммонс — загрузились в неё.

— Ну и на хрена ты это сделал? — устало спросил Кейта Круз, когда после заполнения кучи бумаг они наконец вышли из участка и неторопливо зашагали вниз по улице — за новой порцией кофе, конечно же.

Двадцать третий без утренней порции кофе функционировать не мог.

— Он же в тебя выстрелил, — серьёзно ответил Тиммонс, и Круз даже остановился. Солнце било ему в глаза, но насквозь просвечивало белую — и изрядно заляпанную — рубашку Кейта и его русые волосы.

— В меня стреляют то и дело, — проскрипел Круз. — Ты что, так и будешь за всеми гоняться, как... как мой сраный ангел-хранитель?!

И Кейт, улыбаясь во весь рот, радостно подтвердил:

— Ага.

===== Новый напарник =====

Раннее майское утро понедельника в двадцать третьем полицейском участке Санта-Барбары началось, как это часто бывало, не с чашки кофе, а с выезда на обнаруженный труп.

Кому-то не повезло, что ж, такое случается.

Но детективу двадцать третьего участка Крузу Кастильо не повезло куда больше, как он считал. Он не успел смениться с ночного дежурства, и теперь «свежак» рухнул на голову ему и только ему.

Потому что его напарник Эд Мартинес как раз накануне сломал ногу, очень неудачно сорвавшись с пожарной лестницы — погнался за «толкачом» наркоты. С приближением лета, когда население Санта-Барбары увеличивалось раза в полтора, детективы двадцать третьего с делами просто зашивались, поэтому Крузу как минимум две недели предстояло вести расследование одному, лишь с каким-нибудь молодым олухом-сержантом в качестве подручного.

Уныло подумав об этом, он машинально потёр покрасневшие глаза и нырнул под жёлтую с чёрными буквами ленту, огораживавшую место преступления. Вернее, место, где обнаружили труп: угол между расписанными граффити стенами двух домов с приткнувшимися там помойными баками. Райончик был тот ещё, и его не очень-то украшала даже цветущая катальпа, бодро усыпавшая всё вокруг кремовыми лепестками и пытавшаяся заглушить своим тонким ароматом аромат помойки. У неё не получалось.

Нашедший труп свидетель, помятый и всклокоченный местный бомжара по кличке Коржик, отирался неподалеку в ожидании

допроса. Он явно жаждал опохмелиться — физиономия побагровела, руки тряслись, — но стоически держался.

Круз терпеливо выслушал его мычание: «Я, значит, проснулся, гляжу, ковёр энтот лежит. Внутрях, значит, точно есть что-то. Ну, я его, значит, развернул, а там трупак. Я вам и позвонил во-он из той будки, чтоб мне, значит, это дело не навесили. Нет, ничего я не слышал, детектив, я спал. Вона тамочки, под сиренькой, значит». Сунув обрадованному Коржику пятёрку и велев никуда не уходить, Круз подошёл к неспешно возившемуся у трупа судмедэксперту Гладстону.

Этот лысоватый неопрятный брюзга с потухшей сигаретой в углу рта тоже не радовался столь раннему началу рабочего дня.

— Не мог уж твой сраный бомж проснуться попозже, — пробурчал он, неприязненно косясь на Коржика, и выплюнул изжёванный окурок.

— Вот уж точно, — с чувством согласился Круз и тут же осведомился, глядя на труп: — Ну что скажешь?

Всё, что сам он мог сейчас сказать: мужик был убит выстрелом в сердце, его залитый кровью импозантный серый костюм и модные чёрные туфли свидетельствовали о том, что он явно не жил в этом убогом районе, а прибыл в ковре откуда-то из фешенебельных кварталов. На вид покойнику было от сорока пяти до пятидесяти лет, седоватые волосы взъерошены, но аккуратно подстрижены, на шее галстук в тон костюму, в общем фу-ты ну-ты.

— Нездешний, — заключил и Гладстон, распрямляясь, и трубно высморкался в бумажный носовой платок. — Проклятая пыльца, ненавижу, — прогнусавил он, буравя свирепым взглядом ни в чём не повинную катальпу. — Богатей или какая-то шишка. Волосы ухожены, ногти наманикюрены, зубы от хорошего дантиста, обувь и прикид что надо. Привезли откуда-то в этом ковре и выбросили. Дурацкая идея.

— Причина смерти? — скучным голосом продолжал Круз, посмотрев на ковёр, ставший последним пристанищем покойника. Ковёр был так называемой древесной расцветки, бежево-зелёный и тоже явно не из дешёвеньких. Кровавые пятна его отнюдь не украшали.

Гладстон скривился:

— Сам не видишь? Аллергия на пыльцу. Ха-ха. Пуля прошла навылет, калибр точно не сорокапятка, иначе всю грудную клетку разворотила бы. А тут нет, входное и выходное аккуратные. Тридцать восьмой, я считаю. Прямо в сердце, умер мгновенно. Предположительно около полуночи. Ищите место преступления, ищите гильзы, ищите пулю. После вскрытия, может, ещё что скажу, а пока что вот так.

— Негусто, — Круз присел над покойником, тщательно проверил карманы его пиджака и брюк и констатировал очевидное: — Документов и бумажника нет. Выбросили либо на месте преступления, либо здесь, но забрали раньше, ковёр не разворачивали. Я бы выбросил здесь, всё равно ведь на помойку везу.

— Может, твой дружок постарался? — язвительно предположил Гладстон, кивнув на Коржика, который уже кланчил у сержанта мелочь. — Он же развернул ковёр.

— Сомневаюсь, но спрошу как следует, — кратко отозвался Круз. — Лучше б так, чем рыскать по мусоркам в поисках бумажника. — Он снова взглянул на породистое холёное лицо покойника, искажённое гримасой смерти. Его не покидало ощущение, что он уже где-то видел это лицо.

Рядом с ним внезапно возникла ещё одна пара модных блестящих туфель, и над головой раздался до безобразия знакомый ехидный голос:

— Если хочешь установить личность трупа, можешь не лазить по бакам, Кастильо. Впрочем, дело твоё... Это же Энтони Корбетт, член окружного совета, и он снова туда баллотируется. Баллотировался, точнее. Избирательная кампания в самом разгаре.

Только этого и не хватало, право слово.

Круз поднялся и с тяжёлым вздохом уставился на подошедшего. Помощник окружного прокурора Кейт Тиммонс был верен себе: в семь утра одет с иголочки в чёртов деловой костюм, почти такого же серо-стального оттенка, что и на покойнике, и даже светлые волосы уложены, словно перед телесъёмкой. На остроносой бледной физиономии — язвительная улыбка.

— Какого рожна ты тут делаешь, Тиммонс? — устало поинтересовался Круз.

— Тебя консультирую, — осклабился Тиммонс. — Лучше бы «спасибо» сказал, что не придётся по бакам лазить. Привет, Гладстон, рад видеть тебя в такую рань.

Эксперт фыркнул, а Круз проворчал:

— Лазить всё равно придётся

Он отдал распоряжение подошедшему патрульному и снова повернулся к Кейту:

— Но пока что не мне.

Господи, как же старательно он пытался забыть всё, накрепко связавшее его с ехидной Тиммонсом: расследование покушения на прокурорского в его собственном доме, а потом совместная охота на придурка, устроившего стрельбу в кинотеатре. О том позорище, что последовало за этими двумя событиями, Круз не думал. Вообще. Не было этого, вот и всё. Привиделось. Перемкнуло.

Он поглядел в смеющиеся светлые глаза помощника прокурора и пробормотал:

— Сейчас газеты такой хай поднимут, что чертям в аду жарко станет.

— Вот именно, — тотчас согласился Кейт. — Тем более я тебе буду нужен, Кастильо.

«С какой это стати?!» — собрался возопить тот, но не успел — Тиммонс невозмутимо продолжил:

— Потому что я прекрасно ориентируюсь в светской жизни этого города, а ты, извини, нет.

— Тебе что, заняться больше нечем? — обречённо процедил Круз, на что Тиммонс с прежней нахальной улыбочкой отпаривал:

— Я в отпуске. Взял две недели за свой счёт — подлечить нервную систему. Так что пока ты один, я весь твой.

— Пресвятая Дева... — только и выдохнул Круз. Но даже самому себе он не мог признаться, что рад этому. Чертовски рад. Он собрался было спросить, откуда Тиммонс знает про отсутствие у него напарника, но передумал: ясно же было, что сволочуга Кейт просто-напросто за ним шпионит.

— Детектив! — Коржик ликующе замахал ему руками, вынырнув из дальнего мусорного бака. В его цепких грязных пальцах был зажат коричневый бумажник.

— Какого рожна, Робинсон?! — взревел Круз, обращаясь к патрульному. Наконец-то он смог выпустить накопившийся пар. — Ты кого заставил искать улики?!

— Почему «заставил?! — в один голос обиделись патрульный и Коржик, а Крузу захотелось пнуть либо неповинный бак, либо злорадно захмыкавшего Тиммонса. Но он только выхватил бумажник у Коржика из рук, испепелив того взглядом.

Денег и кредиток в там не оказалось, лишь фотографии изысканно одетой моложавой блондинки и двух круглоглазых мальчиков-подростков. И водительское удостоверение на имя Энтони Ли Корбетта. Значит, сволочуга Тиммонс оказался прав.

Тем временем возле отгораживающей помойку жёлто-чёрной ленты появилась жидкая толпишка репортёров и зевак. Защёлки затворы фотокамер.

«Началось», — тоскливо подумал Круз, поспешно отворачиваясь от нацеленных на него объективов. А Тиммонс, наоборот, приосанился и заявил:

— Лучше улыбнись им, Круз, ты же фотогеничный.

Вот гад.

* * *

Вернувшись в участок, Круз первым делом выпил кофе из недавно купленной вскладчину кофемашины, делая вид, что не замечает припёршегося вслед за ним Тиммонса. Другие детективы и сам капитан не преминули вытаращить глаза на такое диво, весьма

неприятно удивлённые. Въедливого помощника прокурора в участке, мягко говоря, недолюбливали.

Кейт весело помахал им, тоже налил себе чашечку эспresso и, отхлёбывая кофе, пристроился задницей на углу стола. Стола Круза Кастильо, само собой. Круз же уткнулся в свежие выпуски местных газет, пытаясь разобраться в перипетиях предвыборной кампании в окружной совет и в том, какая репутация была у Энтони Ли Корбетта.

Всё, что он успел выяснить за пятнадцать минут — женщина и мальчики с фотографии, найденной в бумажнике Корбетта, действительно были его семьёй: жена и два сына, Марджори Аманда Корбетт, сорока двух лет, Чарли и Дилан Корбетты, двенадцати и тринадцати лет. Очень печально. Очень.

Семья жила в собственном особняке в одном из фешенебельных кварталов. Начиналась самая поганая часть работы: поездка к осиротевшим родственникам и первый допрос. Круз это ненавидел.

— Я к покойнику домой, — сумрачно проинформировал он капитана Гонсалеса. — Вызнаю, что могу, потом — в предвыборный штаб.

— Без промежуточных версий не возвращайся, Кастильо, — крикнул ему вслед капитан, — не то пресса и мэрия к вечеру меня распнут!

Тиммонс немедленно устремился за Крузом, а под испытующим взглядом капитана тот не мог даже зашипеть на него. Он сделал это в машине.

— Чего ты потащился за мной? — обрушился он на вконец оборзевшего помощника прокурора.

— Я тебе уже объяснил, «чего», — преспокойно пояснил Кейт, обстоятельно пристёгиваясь. — Во-первых, ты не привык вращаться среди таких важных шишек и ничего про них не знаешь, разве нет? Во-вторых, — продолжал он, не дожидаясь ответа, — я же обещал, что буду за тобой присматривать. Я твой ангел-хранитель, забыл?

Улыбка его была лучезарной.

— Демон-хранитель, — только и сказал Круз, заводя мотор, и Тиммонс довольно захихикал. — Тогда давай рассказывай, что знаешь про этого Корбетта. В газетках всякое пишут.

— Толковый, — подумав, заявил Тиммонс. — Инициировал разные социальные программы, например, строительство детских площадок для ребят с инвалидностью. Красноречивый и с чувством юмора. Не коррупционер. Чёрт, он бы даже в Сенате смотрелся неплохо.

Круз издал какой-то неопределённый звук. По его мнению, честные политики начисто перевелись ещё в прошлом веке, но бывают же чудеса.

Особняк Корбеттов выглядел именно так, как и ожидал Круз: зелёные газоны, белые стены, мраморные колонны и цветущая розовая глициния. Эксперт Гладстон немедля бы расчихался.

К немалому облегчению Круза, ему не пришлось служить вестником смерти: вдова Корбетта уже узнала обо всём из теленовостей. Но вообще что могло быть хуже, чем услышать о смерти дорогого человека с телеэкрана?

Он с лёгкостью опознал миссис Корбетт: ухоженная молодящаяся дама с фотографии, вот только платье её теперь было чёрным, а красивое лицо — скорбным.

— Прошу прощения за тривиальный вопрос, мэм, — неловко пробормотал Круз, чувствуя себя в белоснежно-золочёном великолепии её гдоджой каким-то бомжом Коржиком. — Были ли люди, желавшие смерти вашему мужу?

Кейт Тиммонс, стоявший поодаль и сочувственно хмурившийся, остро посмотрел на него.

— Сколько угодно, — горячо воскликнула вдова, отнимая от глаз белый платочек с каймой. — Господи, детектив, он... Тони всегда боролся за права обездоленных, за экологию, за... за... о боже! Он пытался сделать жизнь простых людей лучше... и не все любили его за это! Он слишком многим перешёл дорогу!

— М-да, — промычал Круз, доставая свой блокнот для записей — слава богу, не такой замусоленный, как он предполагал, и даже ручка не протекла. — Вы можете назвать имена, мэм?

Спустя минуту страница блокнота была исписана именами. Никого из названных вдовой людей Круз не знал, но предполагал, что о них знает Тиммонс, продолжавший внимательно смотреть и слушать.

— Я полагаю, вы забеспокоились, когда ваш супруг не пришёл вчера ночевать? — задал Круз следующий вопрос. — Он предупредил, что задерживается?

Столь изысканным способом он пытался выяснить сразу две вещи: не изменял ли дражайший Корбетт жене и не могла ли она сама его за это укокошить.

— Тони... — продолжая всхлипывать, забормотала миссис Корбетт, комкая платочек, — он позвонил и предупредил, что останется ночевать в офисе... в предвыборном офисе... он иногда так делал. У него было столько обязанностей, что он... не всё успевал за день. Мы с мальчиками поужинали и смотрели шоу почти до полуночи. Сейчас каникулы, я захотела дать детям слабину. О боже, наши мальчишки! — она заломила руки, но её горе не выглядело наигранным.

Круз решил, что эта женщина искренна. В конце концов, она же не виновата, что богата и обитает в таких апартаментах.

Оставив Кейта бормотать вдове что-то сострадательное, он неловко поклонился, попятился и сбежал вниз по усталой коврами лестнице.

«Кстати! — напомнил он себе. — Ковёр!»

Но ни один из ковров, замеченных им в гдоджой, на лестнице и в холле, даже отдалённо не напоминал тот, в котором нашли труп Корбетта. Непохоже было и на то, что откуда-то, наоборот, ковёр исчез.

Внизу чернокожая горничная в старомодном белом передничке аккуратно смахивала пыль с фарфоровых статуэток метёлкой из перьев. Ну просто сцена из сериала про войну Севера с Югом.

— Прошу прощения, мисс, ваше имя? — сурово осведомился Круз, извлекая полицейский значок, дождался неохотного «Норма Рейли» и продолжал: — Вы постоянно проживаете в этом доме?

Девушка кивнула, не раскрывая рта.

— Выходила ли из дома миссис Корбетт вчерашним вечером и ночью?

— Конечно, нет! — негодуяще воскликнула горничная.

Круз кашлянул:

— И мистер Корбетт не возвращался домой?

Дождавшись нового «конечно, нет», он кивнул, повернулся и направился к машине. Горничная проводила его неприязненным взглядом, уделив особое внимание его нечищеным ботинкам. «Ещё бы, — со вздохом подумал Круз, — грязный коп, что с меня взять».

Вот Тиммонс точно не был грязным копом. Он был чистеньким помощником окружного прокурора.

Чистенький помощник догнал его уже возле машины и выпалил:

— Оказывается, ты знаешь слово «тривиальный», Кастильо? Вот уж не ожидал.

— Я знаю много слов, — огрызнулся Круз, — в том числе «иди нахер». Скажи лучше, вдова не врёт, как по-твоему?

Тиммонс подумал, усаживаясь рядом с ним, и наконец уклончиво ответил:

— Мне показалось, что она искренне удручена. Гони уже отсюда, вон репортёры заявили.

Действительно, в отдалении какие-то плюгавцы с камерами в руках пререкались с охраной.

— Горничная сообщила, что хозяйка не покидала дом, — Круз поспешно завёл мотор. — Мы можем запросить записи с камер

наблюдения, конечно. Но вообще я не очень представляю, как миссис Член Окружного Совета заворачивает труп мужа в ковёр и вывозит на помойку. Ей для этого не хватит ни сил, ни эстетического вкуса... Да-да, — он вскинул руку, предугадывая возражения Тиммонса, — естественно, она могла кого-то нанять. Но мотив? Всё-таки она скрывает, что он был мудаком и изменял ей?

Кейт пожал плечами, откидываясь на спинку сиденья:

— Кто знает... кто знает, но мы это выясним.

— Мы? — поднял брови Круз.

— У тебя очень интересная работа, Кастильо, — ухмыльнулся Кейт, растягивая слова. — Быть охотником, распутывать следы... чёрт, мне кажется, я не вернусь в окружную прокуратуру... Осторожно! — вскрикнул он, когда Круз на миг отнял руки от руля, схватившись за голову. Мимо них, громко засигналив, пронёсся грузовик с ярко-жёлтой рекламой чипсов на борту. — Что ты так переживаешь? Я же предупредил, что весь в твоём распоряжении. Куда мы теперь? В предвыборный штаб?

— Угу, — буркнул Круз, поворачивая на перекрёстке.

Весь в его распоряжении, вот спасибо!

— Кстати, — как бы между прочим бросил Тиммонс, — чтоб ты был в курсе — Корбетт женился на деньгах. И именно жена

финансировала его предвыборную кампанию. Первую и вторую. Особняк тоже принадлежит ей.

— Я рад, что ей и детям не придётся побираться, — только и сказал Круз.

* * *

В предвыборном штабе Корбетта царило уныние. Какая-то худенькая девушка в тёмном балахоне тихо всхлипывала в углу огромного дивана, вторая, тоже вся в чёрном, стояла рядом со стаканом воды в руке, сама время от времени из него отпивая. «Похоже, злосчастный Корбетт в самом деле был неплохим мужиком, если все тут так по нему убиваются», — решил Круз, подходя вслед за Тиммонсом к очередному лощёному френту, вышедшему из бокового кабинета.

Френт по имени Дин Коллинз, чувак лет тридцати пяти с приятной улыбкой от хорошего дантиста и зачёсанными назад каштановыми волосами, сразу взял быка за рога:

— Это Акула! Его люди убили Энтони, детектив, больше некому.

Круз обменялся взглядом с Тиммонсом. Оба они хорошо знали, кто такой Акула: владелец кучи питейных заведений, в том числе скандальных ночных клубов с дурной славой, и сети вызывающе дорогих отелей — тоже с не самой лучшей репутацией. Эскорт-услуги, любители садо-мазо, всё такое.

— Полагаю, вы говорите о Сэмюэле Фергюсоне? — медленно произнёс Круз, глядя в покрасневшее лицо Коллинза. — И в каком же месте ваш босс ухитрился перейти ему дорожку?

— Акула собирался строить новый ночной клуб неподалёку от средней школы имени генерала Гранта, — загорячился Коллинз. — Господи, вы что, об этом не слышали? Был же страшный скандал. Поговаривали, что Акула дал на лапу кому-то наверху, на самом верху, — он многозначительно воздел к потолку указательный палец, — но Энтони был начеку. Он начал кампанию против этого строительства, опираясь на поддержку родителей школьников, и Акула убежал, поджав хвост.

Круз слабо представлял себе поджавшую хвост акулу, но Коллинзу, который, видимо, подвизался на написании предвыборных речей Корбетта, явно нравились яркие метафоры.

— Хорошо, — пробормотал Круз. — Мы всё проверим. По словам миссис Корбетт, муж позвонил ей и предупредил, что переночует в этом офисе. А вы сами вчерашней ночью были здесь?

— Нет, — виновато отозвался Коллинз, не поняв подоплёки с виду небрежного вопроса, — я как раз навещал родителей во Фриско. Вернулся только сегодня утром, и вот... — он печально развёл руками и тяжело вздохнул. — А ведь Энтони уже намного опережал, по предварительным подсчётам, нашего основного соперника на предстоящих выборах.

Слово «нашего» было показательным. Похоже, Коллинз в самом деле считал эту кампанию своей и искренне огорчался.

— И кто же это? — живо любопытствовал Круз. Он подозревал, что ему снова предстоит шерстить газеты: о местной политической грызне он ровным счётом ничего не знал, ему хватало хлопот с уголовщиной.

— Как? Вы не знаете? — снова изумился Коллинз; это изумление уже порядком раздражало Круза. — Мэтью Муррей, конечно же! Он впервые баллотируется в окружной совет, но считал, что способен противостоять Энтони. Впрочем, — он махнул рукой, — всё это уже неважно. Боже, да всё просто ухнуло в тартарары!

Когда Круз и Кейт снова вернулись к машине, Круз достал свой блокнот.

— Подобьём итоги. По словам жены, покойник отзвонился ей и сказал, что переночует в офисе. Тем не менее до офиса он не добрался, здешние камеры видеонаблюдения это подтверждают. В том месте, куда он действительно отправился, его и застрелили. Завернули в ковёр и отвезли лежать рядом с Коржиком. Нам предстоит допросить Акулу и этого, как его... Мэтью Муррея.

Глаза Тиммонса возбуждённо заблестели.

— Слушай, Акула уже проснулся, — выпалил он. — Давай сперва навестим его, а потом уже этого Мэтью Муррея.

— Кстати, оба они есть в списке врагов Корбетта, предоставленном вдовой, — задумчиво констатировал Круз, пряча блокнот. — А

откуда тебе так хорошо известен режим дня Акулы? — ехидно поддел он, косясь на Тиммонса.

Но тот, разумеется, сделал вид, что не услышал подковырки.

* * *

Акула, то есть Сэм Фергюсон, постоянно проживал в одном из собственных шикарных отелей, и его апартаменты занимали целый этаж. Непрошенных гостей — детектива и помощника прокурора — он встретил в длинном, до пола, вишнёвом халате с золочёным поясом-шнуром и заявил, не дав им и рта раскрыть:

— Если вы насчёт убийства этого говнюка Корбетта, то сразу скажу — я праздную. Даже шампанское откупорил, — он небрежно махнул рукой в сторону низкого столика перед невнятно бормотавшим огромным телевизором. — Может, выпьете?

Круз отрицательно качнул головой и достал диктофон, но, прежде чем успел задать хоть один вопрос, Акула захлёб продолжил:

— Но я его не убивал, не надейтесь. У меня алиби с большой буквы — я весь вечер и всю ночь до рассвета провёл в «Пеликане», меня толпы народу видели, так что обломитесь.

На его красивом, хоть и одутловатом от возлияний лице блуждала хмельная улыбка. Круз с внезапным облегчением вдруг понял, что державшийся поодаль Кейт Тиммонс никак не пытался привлечь внимание Акулы или показать, что был близок с ним. Проклятье!

— И в «Пеликане» это подтвердят? — резко бросил Круз, злясь на себя, на Тиммонса и на паскудника Акулу. — А как насчёт того, что ты, побуянив где-нибудь на танцполе для блезиру, потом втихаря выскользнул через заднюю дверь, уколошил Корбетта и вернулся обратно как ни в чём не бывало?

Улыбка разом сползла с лица Фергюсона.

— Да бросьте! Нахрена мне было убивать этого урода, я что, больной? — сердито отрезал он. — Мои цыпули, Розы и Дайна, со мной не расставались, я то отплясывал, то кувыркался с одной и с другой. У меня в «Пеликане» отдельный кабинет.

— Имена и адреса цыпуль уточни, — после долгой паузы приказал Круз, доставая блокнот. Похоже было, что ему нечего представить капитану: у всех гипотетических подозреваемых намечалось алиби. Даже у помощника Корбетта, несчастного Коллинза, который теоретически мог быть замешан в расхищении денег из избирательного фонда, к примеру, и по этой причине прикончил босса.

Но, когда они уже покинули апартаменты Акулы и направлялись по коридору к выходу, Кейт так резко остановился, что Круз едва не налетел на него.

— Какого... — начал было он, но тут Тиммонс схватил его за руку, кивком указывая в сторону полураскрытой двери одного из номеров:

— Гляди!

Горничная старательно пылесосила ковёр, готовя номер к появлению нового постояльца. Ковёр! Точно такой же ковёр, как тот, в который было завернуто тело Корбетта. Бежево-зелёные древесные узоры! Так значит, Корбетт был убит где-то здесь!

Круз никак не мог оторвать глаз от этого замечательного зрелища и не сразу заметил, что они с Кейтом всё ещё держаться за руки, будто заблудившиеся сиротки Гензель и Гретель перед пряничным домиком в лесу. Он со сдавленным проклятием выдернул руку, а Кейт зафыркал.

Круз развернулся и бросился обратно в берлогу Фергюсона, не оглядываясь на Тиммонса.

— Что, передумали насчёт шампанского? — Акула высоко вскинул выщипанные брови при виде Круза, снова возникшего в дверях.

— Одевайся! — безапелляционно скомандовал тот, не давая ему опомниться. — Прокатимся в участок для выяснения некоторых обстоятельств.

— Каких ещё, в задницу, обстоятельств?! — взвыл Фергюсон, мгновенно трезвея. — Ты без ордера, это противозаконно!

— Вон прокурорский стоит, — злорадно сообщил Круз, тыча пальцем в сторону появившегося на пороге Тиммонса. — Это мой

ордер. Я тебя не арестовываю, а всего лишь... хм... приглашаю для дачи показаний. Пока что свидетельских.

— Да в чём дело-то? — взмолился Акула, глядя то на Круза, то на Кейта. — Вы же ушли!

Чутьё с сожалением подсказало Крузу, что тот действительно растерян, сбит с толку и, похоже, ни при чём. Вот же гадство.

— В ковре, — сурово проговорил он. — Разве по телевизору не сказали, что труп Корбетта нашли завернутым в ковёр? Так вот, это был ковёр из твоего отеля. Мы только что увидели такой же в одном из номеров. И, пока мы едем в участок, будь любезен хорошенько помозговать, как это могло получиться.

— Вот же грёбанный ковёр, — после паузы пожаловался Акула, и тут Круз был с ним полностью солидарен. — Послушайте, детектив, я, ей-богу, не виноват... и не хочу ехать в ваш воню... то есть благоухающий участок! Чёрт возьми, давайте я самолично проведу вас по всем номерам, вы посмотрите, где не хватает ковра, а администратор скажет вам, кто проживал... — Он вдруг запнулся и хлопнул себя по лбу. — Погодите! Совсем запамятовал. Не так давно мы поменяли ковры на втором этаже — полностью. Надо узнать у управляющего, куда их вывезли.

— Ковры такой расцветки есть только в этом вашем отеле? — негромко спросил Кейт, и Круз понял, что сам промухал этот вопрос.

Акула энергично закивал:

— Да. Да, я требую от дизайнеров, чтобы интерьеры всех моих отелей различались. Ковры эксклюзивные, прибыли из Сент-Луиса по заказу.

Круз хмыкнул:

— Ладно, давай зови сюда своего управляющего.

— Может, он и по номерам вас проведёт? Вместо меня? — с надеждой осведомился Акула, косясь на початую бутылку шампанского. — Ей-богу, детектив, я совсем не в форме, сильно перенервничал, и вообще... А его кабинет там внизу, у стойки, его Пит Хопкинс зовут.

Круз только рукой махнул и буркнул:

— Не уезжай из города.

Акула успел ему изрядно осточертеть.

Управляющий Хопкинс оказался, слава тебе господи, не пафосным фриком и не отутюженным хлыщом, а чуваком за тридцать в джинсах и поношенной серой рубашке с засученными рукавами, чем тут же расположил к себе Круза. Этим, а ещё тем, что самолично стоял на стремянке, придирчиво разглядывая лепнину под потолком в одном из номеров второго этажа.

Каждый может командовать, но отнюдь не каждый может работать.

— Боялся, что протекло, — лаконично пояснил он, спускаясь вниз.

— Постоялец наверху уснул в ванне, слава всевышнему, не утонул, а то бы сейчас тут было полно копов. Чем могу служить?

Круз невольно усмехнулся, доставая значок:

— Тем не менее копы перед вами. Мы по поводу ковров в вашем отеле. Ваш босс дал добро на досмотр номеров.

Хопкинс тоже усмехнулся, не выказывая излишней нервозности:

— Это судьба, детектив. Злая судьба. А что произошло, позвольте узнать? — он мельком взглянул на Кейта. Тот не отрекомендовался, как сделал это при встрече с Акулой.

— В одном из ваших ковров сегодня утром нашли труп, — кратко пояснил Круз, и управляющий длинно присвистнул, почесав в затылке.

За час они втроём еле-еле управились с осмотром номеров. Вопреки ожиданиям Круза, в номерах, где находились постояльцы, вовсе не царили Содом и Гоморра, им попалась всего одна полуодетая дамочка, только что вылезшая из постели, остальные выглядели вполне благопристойно. Запертые номера управляющий открывал универсальным ключом. Все ковры одинаковой

зеленовато-бежевой расцветки, кроме недавно заменённых на розовато-серые, оказались на своих местах.

— Неужели бы мы не позвонили в полицию, если бы услышали выстрелы в своём отеле? Мы законопослушные граждане, детектив, что бы вы о нас ни думали, — мягко попенял Хопкинс, когда досмотр закончился, и Круз почувствовал неловкость.

— Револьвер мог быть с глушителем, — пришёл ему на помощь Кейт. — Так куда же делись ковры, которые вы заменили?

— Вывезены на благотворительную распродажу в церковь на углу Сиреновой улицы, — без запинки отчитался Хопкинс. — Неделю тому назад.

Час от часу не легче, тоскливо подумал Круз.

Из ресторана отеля доносились приглушённые звуки приятной музыки и ещё более приятное бряцание посудой. И упоительные запахи! Чёрт, Круз понял, что умирает с голоду.

— Я уже не в состоянии соображать, — пробормотал он, засовывая блокнот в карман. — Пока не поем. Нет, спасибо, — качнул он головой в ответ на приглашающий жест управляющего, — мы пообедаем... м-м-м... снаружи. Всего доброго.

Вот только у Акулы он ещё не обедал!

Они с Кейтом поспешно сбежали по мраморным ступеням лестницы и через десять минут уже сидели за столиком самой обычной пиццерии, уткнувшись в ламинированные листы аляповато оформленного меню.

— Поискал бы забегаловку с тортильей, — поддел Кейт, наблюдая, как Круз заказывает неаполитанскую пиццу на толстом тесте.

— Лучше моей мамы тортилью всё равно нигде не готовят, — отпарировал Круз и полез за блокнотом. Следовало немедленно чем-то отвлечься, хотя бы перечитав свои заметки. Терпеть шуточки Кейта на пустой желудок — увольте.

— Так, — изрёк Круз, когда они утолили первый голод. — Следи за мыслью. — Он пропустил мимо ушей сардоническое «Что, думалка заработала?» и начал: — Как всегда, ищем, кому выгодно было, чтобы твой честный незапятнанный политик склеил лапы, — он нарочно употребил это жаргонное выражение, чтобы посмотреть, как демонстративно сморщится чистюля Кейт. Тот послушно сморщился, и Круз удовлетворённо продолжал: — Я бы откинул убийство по неосторожности, убийство с психу и убийство ради грабежа, хотя совсем сбрасывать со счетов эти версии не стоит. Для убийства с психу или по неосторожности всё здесь слишком хорошо продумано. Моё мнение — Корбетта с какой-то неясной нам пока целью уколошил кто-то из его окружения, и, возможно, мы сегодня уже видели убийцу и говорили с ним. Самый близкий ему человек — очевидно, вдова. Чужая душа — потёмки, но она, мне кажется, искренне горюет, и, кроме того, нужна веская причина, чтобы лишить сыновей отца. Деньги ей не нужны, и она поддерживала мужа в стремлении строить политическую карьеру. В общем, внятного мотива не вижу. Даже если он ей изменял с какой-нибудь красавицей...

— Или красавчиком, — ввернул Кейт, растянув большой рот в нахальной ухмылке. — Равенство полов, Кастильо, не будь шовинистом.

— Да хоть с кокер-спаниелем, — досадливо отмахнулся Круз. — Не считаю это веским поводом лишить детей отца с риском попасть в камеру смертников.

— Согласен, — ввернул Кейт, уплетая свою «маргариту». — Казни в штате Калифорния сейчас приостановлены, но дожидаться её — тоже радость невелика.

— Акула? — продолжал Круз, сосредоточенно хмурясь. Он поймал себя на том, что ему ужасно нравится обсуждать с Кейтом версии. Именно с ним, с ехидной Кейтом. — Он, разумеется, гад, но не дурак, понимает, что к нему придут в первую очередь. И потом, зачем ему убивать Корбетта после всей поднявшейся шумихи в прессе и своего отступления? Опять же рискнув хорошо налаженным бизнесом, он ведь не от папочки бабло унаследовал, поднимался из низов.

— Рискнув задницей, — снова вставил Кейт, но Круз предпочёл не услышать и снова заговорил:

— Помощник Корбетта, он же руководитель его избирательного штаба? Тоже слабо верится: парень с таким энтузиазмом раскручивал Корбетта, видно, что работал на совесть и разделял убеждения босса. Идеалист.

— Самый страшный идеалист — это идеалист с деньгами, — пробормотал Кейт. — В данном случае — с деньгами жёнушки. Отдай мне эту поджаристую корочку, Кастильо, ты её всё равно не ешь, а я люблю.

— Я предпочитаю сердцевинку, — брякнул Круз машинально и изо всех сил постарался не покраснеть, когда Кейт прыснул, едва не поперхнувшись сцапанной с его тарелки корочкой. — Что смешного?

Но он и сам невольно усмехнулся.

Впрочем, тут же им обоим стало не до веселья, когда один из посетителей, вскочив с места, выкрутил звук висевшего на кронштейне телевизора, и по всему залу раскатилось:

— Вдова убитого утром члена окружного совета Энтони Ли Корбетта Марджори Корбетт сделала заявление для прессы.

На телеэкране появилась стройная величавая фигура вдовы — в чёрном изысканном костюме и шляпке с кружевной вуалью, вызывавшей невольные ассоциации с убитой горем Жаклин Кеннеди.

— Во имя памяти моего безвременно ушедшего дорогого супруга и ради будущего наших детей... — она на секунду прикрыла глаза, но тут же продолжала: — я приняла решение баллотироваться на пост в окружном совете вместо него, чтобы исполнить всё, что хотел сделать мой Энтони для блага нашего округа.

По залу пронёсся шумок.

— Вот это да... — пробормотал Кейт, в упор взглянув на Круза. — Становится горячо, не находишь?

— Нахожу, — кратко откликнулся тот, подхватывая со спинки стула свою светлую ветровку. — Поехали.

— К вдове? — азартно выпалил Кейт, тоже срываясь с места.

Но Круз отрицательно мотнул головой:

— К этому, как его там... Мэтью Муррею, сопернику её мужа на выборах, а теперь, выходит, её сопернику. Вот же чёрт, как кучеряво получается. Не ожидал.

— Класс! — восторженно выдохнул Тиммонс, догоняя его. — Нет, Кастильо, ты меня уговорил: бросаю эту муторную возню с бумажками, перехожу к вам в участок.

Ляпнув эдакое, он выжидательно уставился на Круза, ожидая реакции на подначку.

— Тогда придётся начинать с патрульного, как положено, — кротко отозвался детектив, захлопнув дверцу машины. — Готов по помойкам лазить?

Кейт покривился, но буркнул:

— А вот и готов.

Врал, конечно.

* * *

Мэтью Муррей, здоровенный рыжий ирландец с квадратной челюстью, тоже смотрел телевизор и к приезду Круза и Кейта успел сорвать злость на своих помощниках, раздавая им распоряжения громовым басом и не скупясь на солёные словечки.

При виде заявившихся в офис детективов он сморщился так, будто съел стручок халапеньо, и проворчал:

— Вот и копов черти принесли. Впрочем, я ждал. Проходите, — он распахнул дверь в свой кабинет и, захлопнув её за вошедшими, сразу же уселся за массивный дубовый стол. — Эх, и радовался же я утром, прочитав газеты, — продолжал он, набычившись. — Выходит, рано радовался-то. Господь меня и прижучил.

— У вас был мотив, — напрямик заявил Круз, решив не ходить вокруг да около. — Покойник опережал вас на пару корпусов.

— Играете на скачках, детектив? — саркастически прищурился Муррей. — Опережал-то он опережал, но у меня в кармане против

него была такая бомба, что он сразу сошёл бы с дистанции. Фигурально выражаясь, — поспешно добавил он, — а то ещё бомбистом меня сочтёте.

— Вы это о чём? — прищурился и Круз. Он сомневался, что современный политикан может, как встарь, самолично завалить соперника, но нанять лихих ребят — почему нет? Репутация у Муррея была не самой благопристойной, он, как и Акула, поднялся из низов, на чём и строил свою избирательную кампанию. Связи в криминальном мире у него наверняка остались.

Мэтью поколебался, потом махнул рукой с видом «была не была» и полез в нижний ящик письменного стола, откуда извлёк коричневый бумажный конверт и заговорщически поманил детективов пальцем.

— Смотрите. Вот он, мой козырь: увидев эдакое, Корбетт моментально бы снял свою кандидатуру. Но я не успел ему это даже показать, — закончил он с сожалением.

В конверте оказались цветные фотографии, и, осторожно вытянув за угол первую из них, Круз невольно присвистнул. Кейт немедленно сунул свой любопытный нос ему через плечо.

— Твою мать, — восхищённо выдохнул он. — Силён мужик!

На фотографиях, которых было пять, Энтони Ли Корбетт, член городского совета и столп общества, самозабвенно жарил какую-то тёлочку. То есть старательно имел голую чернокудрую девицу. Лица девицы видно не было, только различные фрагменты очень смуглого и красивого тела, в том числе задницу с татушкой в виде

раскрывшей крылья бабочки и часть груди с такой же вытатуированной бабочкой, только крылья сложившей.

Зато лицо Корбетта фотограф запечатлел очень чётко.

— Понятно, — спокойно произнёс Круз, засовывая фотографии обратно в конверт. — Это улика, мы её изымаем, а вы, мистер Муррей, сейчас проедете с нами в участок и там для протокола засвидетельствуете, где, кем и при каких обстоятельствах были сделаны эти фотографии.

Он ожидал, что Мэтью распетушится, подобно Акуле, но тот снова горько скривился:

— Сыщика я нанял, частного, чтобы тот за нашим мистером Совершенство проследил. Он и проследил. Ладно, поехали, всё равно мне уже пора сворачивать лавочку. Против Марджи Корбетт нет смысла идти. Даже если я сейчас обнародую эти фотки, они ей только на руку сыграют — несчастная обманутая женщина.

— Обнародовать вы ничего не сможете, фотографии будут приобщены к делу. Кстати, плёнку тоже сюда. Давайте, давайте, не заставляйте нас выписывать ордер на обыск. Она у вас точно есть, иначе вы просто не стали бы платить, — сурово сказал Кейт. По его напряжённому виду было ясно, что шестерёнки у него в мозгу исправно крутятся, как и у Круза. — Назовите имя и адрес этого частного сыщика, — закончил он.

— Все его зовут Фараон, а так он Тим Барнс, — буркнул Муррей, подымаясь из-за стола. — Вот его визитка, если надо. А вот вам и плёнка, чёрт с вами.

— Кстати, где вы были в ночь смерти Корбетта? — поинтересовался Кейт как ни в чём не бывало, и ирландец снова набылчился.

— Дома, — отрезал он. — В супружеской спальне.

* * *

Оставив Муррея в участке на радость капитану Гонсалесу, которому нужна была хоть одна рабочая версия расследования, Круз с Кейтом снова вернулись в машину.

— Давай помозгуем, прежде чем опять куда-то рвать когти, — пробормотал Круз со вздохом. — Я чего-то подустал, и башка не варит. У тебя варит?

— У нашей безутешной вдовы есть уже два мотива для убийства мужа, — задумчиво произнёс Кейт, бесцеремонно открывая бардачок «доджа». — Узнала об измене — раз и решила занять его место в совете округа — два. Глазам не верю, Кастильо, у тебя тут резина?! — Кейт на самом деле дурашливо вытаращил свои наглые зенки, и Круз, невольно вспыхнув от смущения, выхватил у него из рук пачку презервативов.

— Какого хера ты шаришь в моей машине как в своём кармане, Тиммонс?! — зарычал он

— У меня в кармане нет презервативов, — наивно хлопая ресницами, заявил этот засранец. — Извини, искал сигареты. Не злись.

— Мог бы спросить! Я не курю! Бросил! — Круз сердито сунул гондоны в собственный карман и длинно выдохнул, а потом всё-таки сказал: — Это не президентские выборы, Тиммонс. Убивать за кресло члена окружного совета — маловероятно, даже вкупе с тем, что миссис Корбетт могла узнать о мужниной измене.

— Возвращаемся всё к тому же вопросу — знала ли она, — медленно проговорил Кейт.

— Она не скажет, пока мы не загнали её в угол, — уверенно заявил Круз. — Она горда, а это всё слишком унижительно.

— Пф! — только и хмыкнул Кейт. — А вот скажи мне, Кастильо...

«Сейчас начнёт из-за гондонов доставать, — хмуро подумал тот. — Прикалываться насчёт марки, размера и всё такое прочее».

Но Тиммонс спросил совсем о другом:

— Ну я же не хуже твоего Мартинеса, правда? Как напарник, имею в виду...

Его светлые глаза стали неожиданно серьёзными.

— Да тебе цены нет, — ехидно ответил Круз, радуясь, что может взять хоть какой-то реванш. — Поехали к этому, как его там... к Фараону. Кажется, я и раньше что-то о нём слышал. И не очень-то приятное.

* * *

Фараон, тучный и краснолицый, встретил их в своём крохотном прокуренном офисе на углу огромного административного центра, где располагалось множество таких офисов-клетушек.

Он вообще-то был родом из Города Ангелов, где почти пятнадцать лет прослужил в полиции. Особого криминала за ним не числилось, но чуваком он всё-таки был мутным. Всё это Круз сразу вспомнил, глядя, как Фараон, он же Тим Барнс, кривит тонкие губы в похабной усмешечке, заслышав про Корбетта.

— Я получил массу удовольствия от этого заказа, детектив, — без обиняков объявил он, щуря заплывшие глазки. — Выследил его, когда он снял свою кошечку, а когда они начали кувыркаться, тоже снял... их, — он захихикал, предовольный.

Круз безглаголиво поморщился и отрывисто спросил:

— Где они встретились?

— Корбетт прикатил с дамочкой в мотель, она подсела к нему в машину по дороге, — лениво отозвался Фараон. — Должно быть, они созвонились заранее или видались раньше, не знаю, это не моё дело.

— Какой мотель? — перебил его Круз. — И когда это было? Дата?

— Пятого мая. На выезде из города на федеральное шоссе номер шестьдесят пять, их там два, этих клоповника, и никакой охраны, можно подойти свободно хоть куда, а у меня камера с отличным объективом. Знали бы вы, сколько с виду примерных мужей макали своё перо не в жёнину чернильницу, — он снова хохотнул. — Девушка взяла ключ на стойке, а Корбетт ждал в машине.

— И вы не проследили потом за этой женщиной? — спросил Кейт.

— А нахрена? Мне заплатили, чтобы я нарыл компромат, я и нарыл. Это моя работа. И не стоит воротить нос, детектив, я пятнадцать годков в полиции прослужил. Может, и вы под старость лет будете зарабатывать на жизнь таким же образом.

— Вот уж нет, — отрезал Круз.

— А уволился ты, Барнс, из-за превышения полномочий, — встрял Тиммонс. Похоже, он тоже был наслышан о Фараоновых делишках.

— Зато не за взятки, — неприятно оскалился тот. — Это имеет значение?

Круз пропустил вопрос мимо ушей и задал свой:

— Так что же это была за женщина?

— Господи! Да проститутка, — равнодушно бросил Фараон. — Говорю вам, я выполняю только ту работу, за которую мне заплатили. Ни больше, ни меньше. Я выследил Корбетта, собрал компромат и сдал клиенту. Всё.

Он шлёпнул большой ладонью по столу, будто поставив точку.

— Не выезжай из города, — распорядился Круз, направляясь к выходу. Кейт устремился за ним.

— А я хотел на Гавайи сгонять, — крикнул им вслед Фараон, на что Круз, не оборачиваясь, ответил:

— Всё равно не сезон ещё, успеешь.

И с удовольствием хлопнул дверью.

На улице, щурясь от лучей закатного солнца, которое било в глаза, отражаясь в стёклах витрин, он устало сказал Кейту:

— Давай прикинем, чего мы ещё не сделали сегодня. А потом я вернусь в участок и буду заполнять бумажки. Да и к Гладстону надо заглянуть, узнать про результаты вскрытия. — Круз снова потёр глаза, куда будто песку насыпали. Проклятие, он был на ногах уже чёрт знает сколько часов.

— М-м... — протянул Тиммонс, косясь на него. — Слушай, ты езжай в участок и пиши там, чего надо. А я пока смотаюсь в церковь на Сиреневой и узнаю насчёт ковров. И ещё хорошо бы пощупать цыпуть нашего Акулы, взять у них показания насчёт того, действительно ли он был в ночь убийства Корбетта в «Пеликане»... но это лучше утром, у девочек вот-вот начнётся рабочий вечер, — Кейт и сам зевнул, не стесняясь.

— Девочек мы сегодня точно не потянем, — честно сознался Круз, машинально отметив про себя это «мы» и увидев, как довольно блеснули глаза Тиммонса. — Ладно, буду признателен, если ты сгоняешь в церковь, а я махну в участок карябать грёбанные отчёты, ничего не поделать, Гонсалес ждёт.

— Договорились, я тачку возьму, — Кейт вылез из машины, но не уходил, стоял и мялся. — Всё равно у тебя отличная работа, Круз... и ты отличный коп, — скороговоркой выпалил он наконец.

— Вали уже, — посоветовал тот, чувствуя, как на сердце разливается непрошеное тепло. И Кейт свалил, свистнув таксисту.

В двадцать третьем, выпив подряд две чашки крепкого кофе и изложив внимательно слушавшему Гонсалесу все возникавшие в ходе расследования версии, Круз кое-как настучал на пишмашинке

отчёт — как раз вовремя: в дверь участка уже входил Кейт, донёсший необходимые сведения.

Пресловутые ковры, всего тринадцать штук, действительно привёз на грузовике лично управляющий отелем, заслужив горячую благодарность пастора и множество благословений. Один ковёр остался в церкви — в холле воскресной школы. Остальные были проданы на благотворительном аукционе добрым прихожанам — вот адреса и телефоны.

Протараторив всё это и помахав бумажкой, Кейт прошествовал к кофе-машине.

Гонсалес, вышедший из своего кабинета, с усмешкой покосился на Круза:

— Ох и жук же ты, Кастильо! Надо же, прокурорского припряг!

Круз сделал вид, что полностью погружён в отчёт и ничего не слышит. Но, когда они с Кейтом наконец вывалились из участка, неловко пробормотал:

— Спасибо, без тебя мне пришлось бы туго.

— А ещё я дико умный, не забывай, — Кейт лихо отсалютовал ему и уже привычно устроился на переднем сиденье его «доджа». — Так, если мы по девочкам не поедём, может, выпьем где-нибудь?

— Очумел? — Круз завёл мотор. — Я с ног валяюсь. Нет уж, доставлю тебя домой — и к себе. Спать, спать и спать.

— Домой к тебе? — хитренько уточнил Кейт, блеснув глазами.

— Домой к тебе, — проворчал Круз.

— А, то есть ты едешь ко мне? — обрадовался этот паршивец.

— Бля, Тиммонс, хватит выёживаться, — простонал Круз, выруливая на Гардения-авеню. — Если я не выплюсь, завтра в управлении будет ещё один труп. Мой.

— Ладно, — неохотно согласился Тиммонс. — А скажи, ты к Гладстону заходил? Он что-нибудь новенькое сказал?

— Сказал, что Корбетта застрелили не на этом ковре, а раньше, в ковёр только завернули. — Круз зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. — Всё, Тиммонс, выметайся, к самой твоей двери подъезжать не буду. Я не таксёр, здесь разворачиваться неудобно, ножками дотопаешь.

— Спасибо за приятно проведённый день, вождь, — Кейт распахнул дверцу, но перед тем, как вылезти, быстро наклонился к Крузу, чмокнул его в скулу, так же быстро отпрянул и вылетел из «доджа» прежде, чем получил по зубам.

Уже издалека он крикнул:

— Побрейся!

— Иди нахер, — гаркнул Круз в раскрытое окно и погнал к своему дому, невольно улыбаясь.

День и вправду оказался ничего так, нормальный.

Как и Тиммонс.

Кто бы мог подумать...

* * *

Утро началось с явления Тиммонса возле его двери. Крузу даже не пришлось спрашивать, кто в такую рань маячит на крыльце, — он и так это знал.

— Привет, я вот тут подумал... — выпалил Кейт с порога.

— Потом. Пойду побреюсь, — прервал Круз, заглядывая ему за спину. На садовой дорожке был припаркован тёмно-вишнёвый «мерс». — Надо же, ты сегодня на машине. Можешь идти на кухню, варить кофе, надеюсь, сориентируешься.

— Есть, вождь, — шутовски отсалютовал Тиммонс, но не двинулся с места. — Слушай, а откуда у тебя этот шрам?

— Птичка клюнула, — буркнул Круз и поспешно скрылся в ванной, подальше от жадного взора Тиммонса, уставившегося на его голый торс. Не отчитываться же, что это «толкач» по кличке Кобра попытался его замочить из кольта-сорокапятки. Пуля разворотила левый бок, и Круз провёл в больнице и на реабилитации почти полгода.

Из ванной он вышел уже в свежей синей футболке и джинсах, вытряхнув их из сушилки. Мятое всё, как в заднице было, но сойдёт, решил он.

Помощник окружного прокурора хозяйничал на кухне, откопав где-то даже розовый фартук с вишенками, который, очевидно, оставила здесь мама Круза. Тот почесал в затылке, усаживаясь за стол, где уже стоял кофейник и тарелки с тостами и поджаренным беконом.

— Купил бы нормальную кофеварку, — посоветовал Тиммонс с набитым ртом. — Я, кстати, не успел позавтракать. Так вот, мне кое-что странным показалось...

Но тут раздался телефонный звонок, и оба начисто позабыли о том, что же там показалось Тиммонсу, потому что звонил не кто иной, как капитан Гонсалес.

— Круз, — вместо приветствия заявил он, — ноги в руки и мотай сюда. Сидит этот... из избирательного штаба покойника, любопытные вещи рассказывает. Не телефонный разговор.

Круз и Кейт, на ходу допивая кофе, ринулись к дверям. День начался.

«Этот, из избирательного штаба покойника», то есть Дин Коллинз, выглядел каким-то помятым и осунувшимся, будто всю ночь не спал. Глаза покраснели, светлые волосы взъерошены. Он сидел в кабинете Гонсалеса, держа на коленях чёрный деловой портфель, и при виде Круза и Кейта вскочил.

— Вы чем-то расстроены, — констатировал Круз очевидное, внимательно вглядываясь в его побледневшее лицо, и Коллинз горько усмехнулся.

— Марджи, безусловно, меня уволит, но я пошёл не к ней, а к вам, — заявил он, вытаскивая из портфеля пластиковую голубую папку, а из неё — листок бумаги. Распечатку. — Вот. Два дня назад с нашего предвыборного счёта было снято триста тысяч.

— И кто же их снял? — после долгой паузы сдержанно осведомился Круз, переглянувшись с Кейтом.

— В банке сообщили, что Энтони, — упавшим голосом ответил Коллинз. — Но... но...

— Но... что? — поторопил его Круз.

— Но подпись принадлежала Марджори, — с самым убитым видом закончил Коллинз. — И всё это крайне подозрительно выглядит, учитывая... учитывая...

— Что в тот же вечер ваш босс был убит, а денег при нём не оказалось. — Круз длинно выдохнул, глядя в потолок. — Вы поступили совершенно правильно, незачем так мучиться. Вы никого не предавали.

— Я... Энтони был моим другом, прежде всего другом, а потом уже боссом, — с болью проговорил Коллинз. — Я хочу, чтобы вы нашли убийцу. Даже если в этом как-то замешана Марджори... — он запнулся и прикрыл рукой глаза.

— Послушайте, — Круз неловко похлопал его по плечу, — мы обязательно всё выясним. Говорю вам, вы поступили правильно, придя в первую очередь к нам. Мы рассмотрим все версии.

— На вашем месте, — вмешался Кейт, — я бы ничего не говорил миссис Корбетт, пока мы не допросили её. Не возвращайтесь в штаб, скажитесь больным, к примеру.

— Мы лохи, надо было в первую очередь проверить счета, — процедил Круз, едва за Коллинзом закрылась дверь кабинета.

— Слишком много чего надо было сделать в первую очередь, — обронил Кейт. — Боже, всё интереснее и интереснее! — он жизнерадостно потёр руки.

Круз попытался испепелить его взглядом — безуспешно — и лишь едко спросил:

— И часто ты считаешь себя больным у себя в прокуратуре, Тиммонс?

— Эй, вы двое! — в дверях своего кабинета воздвигся Гонсалес. — Хватит прохлаждаться. Ваши дальнейшие действия?

Похоже было, что он уже считает Тиммонса своим подчинённым. Тот, видимо, тоже так решил, потому что разулыбался от уха до уха, зараза.

Круз потёр затылок.

— Совершенно очевидно, сэр, что Корбетта шантажировали, — медленно произнёс он. — Пресловутыми фотографиями. Вопрос первый — кто? Вопрос второй — кто его убил и забрал деньги? Шантажист или кто-то другой?

— Деньги — вот мотив для убийства, — ввернул Кейт, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Настоящий мотив, а не то, что там ревность, месть или другие... душевные движения.

— Так кто же, как вы думаете, его шантажировал? — настаивал Гонсалес.

— Тот, у кого были фотографии, — отозвался Круз, а Тиммонс тут же добавил:

— Или заказчик компромата, то есть Мэтью Муррей, или исполнитель, то есть Фараон. Ну или оба сразу, триста тысяч можно и пополам поделить. Навряд ли Фараон распечатывал фотографии для кого-то ещё.

— Прекрасно, — Гонсалес прошествовал к своему столу. — Тогда чего стоим, кого ждём? Выметайтесь из моего кабинета и идите работайте. По всем каналам вашу Марджори Корбетт показывают, шумиха до небес: безутешная вдова — страдальца и защитница обездоленных. Идите, идите!

Кейта и Круза не пришлось долго уговаривать, они уже спешили прочь из участка.

— А чего мы опять на моей машине, а не на твоём пижонском «мерсе»? — спохватился Круз, наблюдая, как Кейт привычно устраивается на сиденье рядом с водительским.

Тот преспокойно пожал плечами:

— Мне твой «додж» больше нравится. На тебя похож. Надёжный и работага.

Круз поперхнулся и решил больше ничего на эту тему не спрашивать. Чёрт-те что.

— Куда едем-то? — как ни в чём не бывало поинтересовался Тиммонс, поёрзав на сиденье. — В мотель, где у Корбетта была свиданка?

— Считаю, пока незачем, — подумав, возразил Круз. — Что я предъявлю для опознания? Задницу с бабочкой? Там же даже лица не видно.

— Тогда к вдове?

— Пока тоже нет, — решительно заявил Круз. — К нашему красавцу, собиравшемуся на Гавайи. То есть к Фараону. Маловероятно, что шантажист — Мэтью Муррей, он политическую карьеру строит из всех сил, причём законным путём. Триста тысяч — приличные деньги, но ради них рисковать с трудом заработанной репутацией достойного представителя народа, поднявшегося из низов, бла-бла-бла? Вряд ли. Ставлю доллар, тут поработал наш бывший коллега, чтоб ему ни дна, ни покрывала.

— Согласен, погнали, — выпалил Тиммонс, хотя они уже и так вовсю гнали по Маркет-стрит к офисному зданию, где располагалась конторка Фараона.

Тот был на месте — в клетушке с грязными жалюзи, что служила ему офисом. Видать, дела у частного детектива шли не ахти как успешно. С этого Круз и начал, когда они с Кейтом переступили порог и закрыли за собой обшарпанную дверь кабинетика:

— Фараон, а ты небось ждёшь не дождёшься, когда можно будет убраться из города — навряд ли на Гавайи, скорее куда-нибудь в Панаму, а? Триста кусков — куш неплохой, там с такими бабками вполне можно устроиться.

Проговорив это, Круз невольно напрягся, ожидая реакции Фараона. Тот вполне мог наброситься на них с револьвером, с кулаками или хотя бы просто разораться, протестуя. Но Фараон откинулся на спинку своего кожаного кресла — единственного предмета роскоши в кабинете — и уставился в потолок. Он стал похож на проткнутую шилом надувную куклу у входа в дешёвую забегаловку.

— Я так и знал, — тоскливо пробормотал он сам себе. — Этот идиот не просто взял и вынул наличку из сейфа, он её наверняка с банковского счёта снял. Но я его не убивал! — добавил он тут же. — Не убивал, ясно вам? Хоть он и идиот.

— Угу, он такую тьмищу бабок в чулке держал, — прокомментировал Круз, извлекая наручники. — Давай сюда эти фотографии. Давай, они у тебя или в столе, или в сейфе, — он глянул на маленький сейф, притулившийся с торца стола. — И ствол тоже сюда, сдадим на экспертизу. И без глупостей.

Дождавшись, когда Барнс, кряхтя, достанет из сейфа пакет с фотографиями и «сорокапятку», он снял с пояса наручники.

— Тимоти Эндрю Барнс, вы имеете право хранить молчание, всё, что вы скажете, будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе... — он добарабанил «правило Миранды» до конца и защёлкнул наручники на запястьях Фараона.

И тот действительно хранил молчание, пока Круз не втокнул его в комнату для допросов. Гонсалес проводил их одобрительным взглядом и сообщил, что сейчас оформит ордер на обыск в офисе Барнса и в его съёмной квартире. Фараон же, пристёгнутый наручниками к столу, старательно прикидывался глухонемым, его пухлая физиономия будто окаменела.

— Так что? — выжидательно спросил Круз, устраиваясь напротив него, в то время как Тиммонс, сложив руки на груди, встал у стены.
— Признание писать будем? Можем договориться. Или адвоката будешь ждать?

Фараон устало посмотрел на него и разлепил тонкие губы:

— Я. Не. Убивал. Что срубить по-лёгкому бабла захотелось, это да, это признаю. Но не больше. Убийство вы мне не пришьёте, можете не стараться.

— Тем не менее мы постараемся, — сухо заверил его Круз.

— Знаешь, что в тюрьме с бывшими копами делают? — вкрадчиво вмешался Тиммонс, неприятно ухмыляясь.

Барнс сердито закатил глаза:

— Знаю лучше, чем ты, конфетка прокурорская.

— Давай так, — мирно предложил Круз: он уже сообразил, что в этой мизансцене ему отведена роль хорошего полицейского. — Просто расскажи нам свою версию происшедшего, а мы послушаем, пока ребята с обыска на твоих хазах не вернулись. Поболтаем без протокола, а там и казённый адвокат подоспеет, раз у тебя собственного нет.

Фараон презрительно глянул на Тиммонса и хмыкнул:

— Прокурорский-то уже здесь. Ладно, я расскажу, как было, а вы можете доказывать хоть что, всё равно обломитесь. Короче. Я вам уже сказал, что захотел легко бабла срубить. А что? Муррей этот заплатил мне за фотки всего-то полтора куса. Жмотина ирландский. А я знал, что второй кандидат ничего не пожалеет, лишь бы компромат не всплыл.

— Ага-а, — протянул Кейт. — То есть, зная, что Муррей всё равно обнародует фотографии, ты решил побыстрее навариться на несчастном Корбетте. Небось сказал ему, что клиенту пока что ничего не отдавал, решил сперва к нему обратиться. Молодчага.

— Ой, да брось мне проповедь читать, мы не в церкви, а ты не пастор, — скривился Фараон. — Короче. Я с Корбеттом созвонился, объяснил расклад. Про то, кто меня нанял, ни слова не говорил, вроде как я по своей инициативе.

— Минутку, — поднял руку Кейт. — А плёнку, которую ты уже отдал Муррею, он что, не потребовал бы?

Фараон хмыкнул:

— Это я диктовал условия, а не он. Мы встретились в парке на лавочке. Он хотел убедиться, что у меня действительно есть фотографии. Убедился. Серый весь стал, что твоя стенка бетонная. Я уж боялся, его удар хватит. Не хватил. Покуда он продыхивался, я его заверил, что фотографии отдам ему за триста кусков. Он вообще не стал ни спорить, ни торговаться. Сказал, что деньги достанет. Наличными, мелкими купюрами. Вот и достал.

Круз вдруг остро пожалел злосчастного Корбетта. Пожалуй, тому даже повезло, что его застрелили. Рискнуть репутацией, деньгами избирательного фонда, чтобы после всего этого обнаружить, что соперник всё-таки выставил позорные фотографии на всеобщее обозрение.

— Он принёс деньги, и ты его убил, — вступил Кейт, сверля Фараона уничтожающим взглядом.

— Он не пришёл в сквер, — просто сказал тот. — Понимаете?

— Ври больше, — пробормотал Круз, хотя чутьё печально подсказывало ему, что сыщик говорит чистую правду.

— Он не пришёл туда, где я его ждал, в тот же сквер у церкви, — с силой повторил Фараон, дёрнув за цепочку наручников, — а наутро по телику показали его труп. И я так понимаю, что денег при нём не было. Тогда я лёг на дно в надежде, что моя персона не всплывёт. Хера мне. Не повезло. Так что давайте сюда своего адвоката, но я правду говорю.

...— Тупик, — мрачно констатировал Круз, когда они с Кейтом отправились перекусить в китайскую харчевню напротив. За всей этой вознёй они опять пропустили время обеда.

Зато вернулись полицейские, отправившиеся на обыск квартиры Барнса и его офиса. В квартире нашёлся ещё один незарегистрированный ствол, тоже «сорокапятка», но денег в самом деле не было. Нигде.

— Ну почему тупик, — проговорил Кейт, ловко орудуя палочками в своей тарелке. — Просто ты, видимо, слишком увлёкся благородной скорбящей вдовой и отворачиваешься от версии, лежащей на поверхности, — он демонстративно воздел палочки кверху. — Итак. Муж во всём признался жене, она дала ему денег — подпись-то её! — а потом уколошила муженька и забрала бабки обратно. Легко! Кстати, скорее всего, у неё был сообщник. Не сама же она и правда пёрла на помойку ковёр с трупом внутри. Допустим, любовник. Или друг семьи. Тот же Коллинз из избирательного штаба, к примеру, то-то его так колбасило. И что, едем к миссис Корбетт? — Кейт с аппетитом дожевывал последний кусочек курицы и с вождением покосился на тарелку Круза, где ещё оставалось примерно полпорции пельменей. — Будешь доедать свои «вонтоны»?

Круз кашлянул в некотором замешательстве:

— Стоп. Не гони. Если Коллинз — сообщник, зачем ему было приходить к нам с этой бумажкой?

— Мы бы всё равно рано или поздно докопались до счетов, — пожал плечами Кейт. — Ну что ты мнёшься? Только не говори мне, — в деланном негодовании ахнул он, — что ты сейчас подумал: вот я приеду к прекрасной Чёрной вдове, а от меня будет разить китайской едой!

— Скотина, — выдохнул Круз с чувством. Он действительно так подумал.

Кейт довольно заржал, и Круз на глазах всей улицы пнул его в лодыжку. Он давно мечтал это сделать.

* * *

Но и цинику (каким он хотел казаться) Тиммонсу стало явно не по себе, когда они подъехали к белостенному особняку Корбеттов. Круз заглушил мотор, но никто из них не торопился выходить.

— Ладно, пошли уже, — со вздохом распорядился наконец Круз и первым вылез из «доджа». Кейт последовал его примеру. Но спустя несколько минут рослый охранник в униформе объяснил им, что «мадам» находится в предвыборном штабе.

— Она почти всё время там, — добавил он, как бы извиняясь. — Дать вам адрес?

— Мы знаем, где это, спасибо, — отрывисто сказал Круз. — Всего доброго.

— И вам хорошего дня, сэр, — весело пожелал охранник.

Да уж, денёк получался лучше не придумаешь.

К штабу Корбетта они подкатили в молчании, даже злоязыкий Тиммонс не острил. Неужто устал? Но не успел Круз с некоторым злорадством это подметить, как Кейт ткнул его локтем в бок и жизнерадостно поинтересовался, не хочет ли он жевательную резинку — зажевать «вонтоны».

Ничто его не брало.

Избирательный штаб напоминал муравейник: люди, в основном девицы, суетились с самым деловым видом, сновали туда-сюда, разносили кофе, подшивали бумажки, болтали по нескольким телефонам. Круз внезапно подумал о том, сколько из них уволилось, а сколько осталось тут — с женой вместо мужа. По крайней мере, тех скорбных девушек, что плакали на диване у стены в день убийства, он не увидел.

Как и Коллинза: тот, очевидно, внял его совету и сказался больным.

Миссис Корбетт вышла им навстречу из бывшего кабинета мужа, сейчас принадлежавшего ей, — на сей раз не в элегантном чёрном платье, а в лиловом брючном костюме. При виде появившихся детективов по её лицу явственно пробежала тень.

— К сожалению, я не смогу уделить вам много времени, — после взаимных приветствий негромко сказала она. — Через час у меня выступление в семейном центре имени Джефферсона, — она скупно улыбнулась, но тут же её взгляд опять затуманился печалью. — Тони был одним из инициаторов его строительства.

— Мы не задержим вас надолго, мэм, — неловко сообщил Круз. — Буквально один вопрос.

Идя к кабинету миссис Корбетт, он всё ещё понятия не имел, как у него повернётся язык задать этот вопрос, но тут Тиммонс толкнул его локтем в бок и одними губами прошептал:

— Я спрошу.

Круз немедленно вспыхнул к нему глубокой искренней благодарностью.

Они гуськом вошли в кабинет и чинно уселись за длинный полированный стол для переговоров, в один голос отказавшись от кофе. Наконец миссис Корбетт вопросительно подняла на них глаза, и Кейт, глубоко вздохнув, выпалил:

— Миссис Корбетт, в курсе ли вы, что вашего мужа шантажировали?

Слово «шантаж» повисло в воздухе, как облако ядовитого газа. Вдова не проронила ни слова, лишь крепче сжала тонкие пальцы на столешнице, и тогда Кейт мягко продолжал:

— Мы считаем, что вы в курсе, потому что он снял деньги со счетов избирательного штаба, а подпись, которую нам предъявил банк, — ваша.

Миссис Корбетт продолжала молчать. Она не опускала непроницаемого тёмного взгляда, но её ненакрашенные губы явственно побелели.

— Я считаю унижительным как-то оправдываться и лгать, — тихо произнесла она наконец, но её мелодичный голос разнёсся, казалось, по всем уголкам кабинета. — А также напоминать вам о том, что тело моего мужа ещё не предано земле. — Она вдруг сощурилась — словно прицеливаясь, пришло в голову Крузу. — Да, я знала. Он мне во всём признался. Плакал. Каялся. Стоял на коленях. Умолял простить. Отвратительная сцена, — она брезгливо передёрнула плечами. — Я подписала бы что угодно, лишь бы прекратить её. Деньги... Господи... — она на миг зажмурилась. — Это такие мелочи... по сравнению с тем позором, который покрыл бы наше имя.

— Всё равно бы покрыл, — не выдержал Круз. — Копии фотоснимков и плёнка были у Муррея, он собирался их опубликовать... или, по крайней мере, надавить на вашего мужа, чтобы он снял свою кандидатуру. Муррей, кстати, и сейчас мог бы отдать их в таблоиды, но он считает, что это только сыграет вам на руку. Вас будут жалеть, как обманутую женщину. Это унижительно, — добавил он импульсивно, — я понимаю. Но вы можете не волноваться, плёнка и фотографии изъяты, находятся в деле, обстоятельства которого не подлежат разглашению.

— Я знаю. Он мне звонил, — неожиданно сказала миссис Корбетт.
— Муррей, имею я в виду. Сегодня. Он признался, что

симпатизирует мне, — её глаза вдруг остро, торжествующе сверкнули. — Извинился и заявил, что снимает свою кандидатуру с выборов.

Такого джентльменства от неотёсанного ирландца Круз точно не ожидал.

— Рад за вас, — сухо промолвил Кейт, снова беря инициативу на себя. — Так что же в самом деле произошло той ночью? На первом допросе вы нам заявили, мол, ваш муж позвонил и сообщил, что переночует в офисе.

— Тони — да, он звонил, чтобы сказать, что деньги у него и он идёт к шантажисту, — бесцветным голосом ответила миссис Корбетт. — Больше он не звонил. И не вернулся. Я провела бессонную ночь, гадая, что могло случиться. Боже, я... я боялась, что он мог уехать — сбежать с деньгами и с той девицей. Утром из теленовостей я узнала, что его труп нашли на помойке. Прости мне, Господи... — она осеклась и закрыла глаза.

— Вы испытали облегчение, — тихо вымолвил Круз.

— Да. Да, — она дважды кивнула, не открывая глаз, и только потом беспомощно посмотрела на Круза. — Вы мне верите? Я не убивала его. Я не буду клясться. Но сами подумайте, как я могу убить отца своих — наших — детей?

«Очень просто — как это сделали сотни других женщин», — подумал Круз, но вслух не сказал.

В дверь деликатно постучали, и приятный баритон осторожно окликнул:

— Миссис Корбетт? До встречи в центре Джефферсона осталось двадцать минут.

— Я выхожу, Боб, — спокойно отозвалась та.

Детективы поднялись со своих мест.

— Я должен предупредить вас, чтобы вы не выезжали из города, — ровно произнёс Круз, и вдова в упор посмотрела на него:

— Куда мне ехать, детектив? Похороны в пятницу, если ваши эксперты отдадут мне тело Тони.

Они уже стояли в дверях, когда женщина едва слышно, будто для самой себя, добавила:

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я всё ещё люблю его. Найдите убийцу.

* * *

В машине Круз откинул голову на спинку сиденья и негромко сказал в пространство:

— Закурить есть?

— Ты же бросил! — предсказуемо заявил Кейт, но, похлопав по карманам пиджака, сунул ему пачку «Пэлл-Мэлл» и зажигалку, а потом тоже закурил.

— Слушай, — немного помолчав, снова заговорил он, — ты всё ещё ей веришь? Она же нам тогда соврала.

Он искоса глянул на Круза и поджал губы.

— Соврала только насчёт того, что именно сказал ей муж по телефону, когда они разговаривали в последний раз, — вяло возразил Круз и, вымученно ухмыльнувшись, прибавил: — Я не понял, ты что, ревнуешь, что ли?

Кейт немедленно взъерепенился:

— Она тобой манипулирует!

— А ты предвзят! — отпарировал Круз и как-то успокоился. Воистину, отношения следует выяснять сразу, как только возникла какая-нибудь заковыка, а не помалкивать в тряпочку. Не копить непонятки. Если бы он так поступал в молодости, то до сих пор, наверное, был бы женат... и тогда никакой Кейт Тиммонс не сидел бы сейчас в его машине.

Вот скуотища была бы.

— Не дуйся. Никуда вдова не денется, так что продолжаем прорабатывать все версии, — доброжелательно посоветовал он Тиммонсу. — Пора наконец ехать по девкам. То есть навестим цыпуть Акулы, как их там... — он достал блокнот и перелистал его: — А, вот: Розали Хендрикс и Дайна Сеймур. Имена настоящие, пробил по базе, — он выбросил окурок на обочину.

— Приводы были? — живо заинтересовался Кейт. — Окружающую среду-то не засоряй, ты же служитель закона, — посетовал он, аккуратно затушив в пепельнице собственный окурок.

— Какой ты, оказывается, правильный, — пробурчал Круз. — Да. Были. За приставание к мужчинам. Потом обе устроились в стрип-клуб к Акуле, там он их и подцепил. Так что сейчас они, можно сказать, встали на путь исправления и сделались честными женщинами, спят только с Акулой.

— Уверен? — Тиммонс демонстративно поиграл бровями.

— Нет, но пусть это Акулу волнует, — отмахнулся Круз. — Поехали, я чую, мы долго провозимся, пока их отыщем.

Именно так и получилось. Вернее, так не получилось с Розали Хендрикс, рыжекудрой и зеленоглазой, с явственно «надутыми» сиськами, едва не разрывавшими тонкий розовый халатик в рюшах.

Этот халатик делал её похожей на пирожное с кремом, и мозгов у неё было ровно столько же.

— Фергюсон? Какой ещё Фергюсон? — захлопала она накладными ресницами. Голосок у неё был под стать кукольной внешности — писклявый. — Ах, Сэмми? Его фамилия Фергюсон? Как интересно, а я и не знала, — она заливисто засмеялась.

Круз невольно удивился, как это Акула её терпит. Скорей всего, просто-напросто не даёт ей возможности лишний раз открывать рот, чем-нибудь его затыкая. Кляпом, например.

Тиммонс поморщился. Круз мог бы поспорить, что он думает о том же самом.

— Так что же, — терпеливо продолжал он, стараясь не пялиться на призывно выпяченную грудь девицы в расходящихся кружевах, — был ли мистер Фергюсон в клубе «Пеликан» в ночь с тринадцатого на четырнадцатое мая?

Розали глубоко задумалась:

— А это когда было?

— С субботы на воскресенье, — перевёл Круз.

Девушка энергично закивала.

— Конечно был! Мы танцевали — и не только, если вы понимаете, о чём я, — она кокетливо обвела наманикюренным пальчиком вырез на груди и, кажется, даже попыталась покраснеть.

— Горизонтальные танцы, — с любезной улыбкой подсказал Кейт, и она живо к нему обернулась:

— А, вот как это называется! Как смешно! А вы шутник... — снова громкое хихиканье.

— Он никуда не отлучался? Вы всё время были с ним? — строго продолжал Круз, не давая сбить себя с толку.

— Выходил отлить, наверное, так и я выходила, — Розали пожала покатыми плечами. — И ещё я выходила, когда он... как это сказать... горизонтально танцевал с Дайной. Я... как это сказать... не очень-то люблю, когда мне предпочитают другую девушку.

— А Фергюсона вы любите? — брякнул Круз и тут же пожалел об этом.

Девчонка опять захлопала ресницами и объяснила:

— Почему нет? Он богатый и не скупой.

— Отлично, спасибо, — вздохнул Круз. — Прочтите это и поставьте подпись, если...

— Ой, да я вам доверяю, — Розали, не глядя, подмахнула протокол, и детективы попятнулись к дверям её крохотной квартирки, где всё было таким же кукольным, как она сама, причём Круз едва не уронил на пол какую-то высокую вазочку с усыпанными стеклярусом ветками. Кейт успел её подхватить.

— Нарушение установленной процедуры, — деревянным голосом сообщил он Крузу, когда они вышли из подъезда «меблирашки». — Она же не прочла.

— Да она не умеет читать, — проворчал Круз.

— Либо притворяется сладенькой идиоткой, чтобы прикрыть Акуле задницу, — хмыкнул Кейт. — Не стоит недооценивать женщин, вождь.

Круз возвёл глаза к ослепительно сияющему золотым заревом небу и для себя отметил, что уже, чёрт побери, надвигается вечер.

— Вдову, на твой взгляд, я переоцениваю, — ехидно обронил он, ожидая новых подколов, но Кейт, как ни странно, ему не подыграл.

— Теперь давай ко второй кукляшке, — нетерпеливо бросил он. — Как её там? Дайна Сеймур?

За Дайной пришлось побегать. В квартире, адрес которой дал им Акула, её не оказалось, либо она попросту не открывала на звонки в дверь и стук. Зато выглянул сосед из квартиры напротив — старик в пушистых дамских тапочках, засаленных штанах и очках с толстыми стёклами, делавшими его маленькие круглые глазки просто огромными. Он сообщил, что, дескать, эта шлюха наверняка в своём борделе, и выразил надежду, что Дайну арестуют. Детективы быстренько распрощались.

— Небось старый козёл просверлил дырку в стене и подглядывает за девчонкой втихаря, — небрежно предположил Кейт.

— Тогда бы он не требовал, чтобы мы её арестовали, — резонно возразил Круз. — Под «борделем» он ночной клуб подразумевал? Вот только какой? У Акулы их, кажется, семь или восемь.

— О, класс, мы по клубнякам покатаемся! — непритворно оживился Кейт. — Надеюсь, найдём не сразу.

Круз угрюмо покосился на него и только крякнул.

Начали они, разумеется, с «Пеликана», но там Дайны как раз не оказалось. Тогда они поехали дальше. Это был суший ад — ткнув под нос охране значок, рыскать в толпе разгорячённых выпивкой и «травкой» завсегдатаев под оглушительный рёв динамиков. И за кулисами, где скакали девчонки — и не только девчонки — разной степени раздетости. У Круза почти мгновенно разболелась голова, Кейт тоже заметно скис. Розыск затруднялся ещё и тем, что охранники и администраторы по большей части не знали настоящих имён тружениц сцены. Но в клубе под названием «Бриллиантовая

берлога» детективам повезло дважды, причём второй раз — так невероятно, что в это действительно не верилось.

* * *

Сперва они всё-таки нашли Дайну Сеймур. Она оказалась полной противоположностью Розали: изящная, тоненькая, темноволосая, похожая на какого-то зверька, то ли куницу, то ли ласку, с огромными миндалевидными глазами. Очевидно, Акула подбирал своих «цыпуть» по контрасту друг с другом. Опять же в отличие от Розали, Дайна сразу сообразила, о чём и о ком идёт речь, но, по сути, повторила слова своей «напарницы»: Фергюсон иногда куда-то уходил, отлить, поболтать с друзьями или, как она выразилась, «нюхнуть», а также поочерёдно «кувыркался» с нею и с Розали, но отлучался всегда не так чтобы очень надолго.

Круз уныло поблагодарил Дайну, и они с Кейтом начали проталкиваться к выходу.

— Голяк, — лаконично прокричал Кейт ему в ухо.

Они на миг задержались, невольно глаза на то, что происходило на сцене. А там высокая статная смуглокожая девушка по-настоящему танцевала. То есть не просто томно изгибалась у блестящего шеста, бросая в зал призывные кокетливые взгляды. Нет, она, напротив, словно не замечала зрителей, самозабвенно отдаваясь музыке, и каждое её движение было отточенным и лёгким. Голова у неё была очень коротко острижена — как у солдата-новобранца, и от этого зрелище становилось ещё эротичнее.

Лучи света скользили по точёному телу, поочерёдно выставляя напоказ то пышную грудь с торчащими сосками, то округлое бедро, то упругие ягодицы. Кейт вдруг схватил Круза за локоть и снова проорал ему в ухо:

— Бабочки!

Тот моргнул, не понимая, про что ему толкуют.

— Бабочки, идиот! — свирепо повторил Кейт.

— Наша Бабочка, — довольно подтвердил администратор, оказавшийся рядом с ними, и тут Круз увидел это.

Чуть ниже поясицы, над упругими полушариями ягодиц, у девушки были вытатуированы распахнувшие крылья бабочки, как у той, с компрометирующей убитого Корбетта фотографии. Но три! Три, а не одна.

Круз ринулся к сцене, расталкивая других зрителей, недовольно заворчавших, Кейт — за ним. У них, однако, хватило ума не совать всем под нос полицейский значок — красotka на сцене непременно его бы увидела. Упустить её было никак нельзя — всё то же неизменное чутьё опытной ищейки буквально заорало Крузу, как давеча Кейт, что всё это более чем подозрительно.

Когда танец закончился, а свет на пару мгновений под общий свист совершенно погас, и обнажённая танцовщица выскользнула за

кулисы, Круз и Кейт резво устремились за нею. Тут снова пришлось совать значок в физиономии охранников, решивших, что за девицей ринулись пьяные поклонники её прелестей. Отбившись от них, детективы влетели в гримёрку... или раздевалку, Круз понятия не имел, как тут называется эта комната, пропахшая духами и потом, где одновременно переодевалось несколько девиц. Танцовщица со сцены уже успела накинуть на голое тело переливающийся блёстками халат и выжидательно уставилась на детективов.

— Вы заказали приватный танец? — спросила она хрипловатым низким голосом, переводя взгляд с Круза на Кейта.

— Полиция, — отрубил Круз, извлекая значок. — Где мы можем поговорить? Только не делайте глупостей, — быстро предупредил он, видя, как заметался её взгляд. Да, это почти наверняка была она, девушка с фотографий, ставших причиной гибели Корбетта.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. У неё были серые глаза, как у Кейта, пришло Крузу в голову.

— Хорошо, — промолвила она спокойно, — идёмте в приватный кабинет, — и прошла мимо них плавной грациозной походкой прирождённой танцовщицы. Охранники, топчущиеся в коридоре, глазели озадаченно. Круз ещё раз махнул им значком на раскрытой ладони — для верности.

Приватный кабинет представлял собой комнату, сплошь обтянутую изнутри, как шкатулка, алым бархатом. Цвет граната, сказал бы дизайнер. Цвет крови, сказал бы Круз.

— Я детектив Круз Кастильо, двадцать третий полицейский участок, а это Кейт Тиммонс, помощник окружного прокурора, — проговорил он. — Ваше имя, мисс?

— Мелани Салливан, — чётко ответила она, не опуская глаз. Боже, понял вдруг Круз, да эта продажная женщина, танцовщица в стрип-клубе, попросту шлюха, была похожа на юную Марджори Корбетт! Такая же гордая посадка головы на изящной шее, благородство, сквозившее в каждом движении. Проститутка, боже правый!

— Вы остригли волосы — чтобы вас труднее было опознать, — заявил он без обиняков. Кейт Тиммонс молчал, как ни странно, не собираясь перехватывать инициативу. — Что вы сделали со своими татуировками? Вы поняли, что пытаться их затереть опасно — на их месте всё равно останутся следы. Тогда вместо этого вы решили набить дополнительные. Умно. Но эксперты точно определяют, какие татуировки более свежие.

Она не проронила ни слова и глаз не отвела. Прекрасная статуя, совершенно нагая под своим вульгарным халатиком.

— Выходит, вы узнали, что кто-то сфотографировал вас с Корбеттом, — мягко продолжал Круз. — От кого вы узнали?

Она по-прежнему не отвечала, и тогда Круз заметил:

— Послушайте, мисс Салливан... Мелани, тот, кто вас фотографировал, этот частный детектив, он просто вас опознает, вот и всё. Так что рекомендую отвечать на наши вопросы. Вы знаете

о смерти Корбетта и понимаете, что мы вас в покое не оставим. Для чего было предпринимать столько усилий — стрижка, татуировки... Вы убили его?

— Вы с ума сошли, — тихо проронила она и опять плотно сжала яркие губы, но потом всё-таки заговорила: — Хорошо, я расскажу. Можно мне присесть?

Не дожидаясь разрешения, она уселась на край кресла, обитого таким же кричащим красным бархатом, как всё в этой комнате. Халат её распахнулся, на секунду обнажив длинные стройные ноги, и она мгновенно запахла полы.

Круз и Кейт, оглядевшись, присели на диван у стены, и Круз достал диктофон. Мелани покосилась на него, но проговорила ровно:

— Да, Корбетт был моим клиентом. Мы встречались дважды в месяц, иногда трижды, на протяжении полугода. Познакомились в баре, куда он однажды зашёл выпить.

— Он вам нравился? — тихо спросил Круз. Вопрос был идиотским, он это знал и ждал, что она вспылит или ответит, как ответила бы Розали: «Он мне платил», но Мелани только кивнула:

— Да. Он был хорошим человеком и обаятельным мужчиной. Правда. А то, что он изменял жене... что ж, многие ищут у проститутки то, что не получают дома.

— И что же это? — вдруг любопытствовал Кейт.

Мелани взглянула на него:

— Понимание. Свою ушедшую молодость. Возможность излить душу. И только в последнюю очередь — секс. Разве нет? Девяносто девять из ста мужчин сперва выговариваются, даже плачут. Вы сами что, никогда не встречались с проститутками?

— Нет, — честно ответил Круз. Кейт промолчал.

— Тогда вы счастливички, — легко усмехнулась Мелани, и Круз подумал, что она права. И что он... понимает Корбетта. — Так вот, — продолжала она, проведя длинными пальцами по тёмному ёжику своих волос, — после нашего последнего интимного свидания...

— Пятого мая, в мотеле... — подсказал Круз, и она подтвердила:

— Именно. Где-то через неделю он мне перезвонил и назначил встречу. Он был в панике, я его таким никогда не знала, голос дрожал, он сказал, что это не телефонный разговор. Мы встретились в сквере у церкви Святых Мучеников. Он очень плохо выглядел, словно тяжело заболел. У меня отец умер от рака, так вот: Тони мало чем отличался от него. Постарел будто на десяток лет, щёки ввалились, глаза запали. Я испугалась, спросила, что случилось. Он ответил, что его шантажируют. Спросил, не я ли навела на него фотографа. Я даже заплакала, было очень обидно. Он начал меня утешать, извиняться, сказал, что уладит это дело. Вскоре ушёл. Сказал, что нам пока больше не стоит встречаться. И

что он позвонит. Больше мы не виделись, а из газет я узнала, что его убили. Вот так.

Она передохнула и потёрла узкие ладони одна о другую, будто замёрзла, хотя в кабинете было жарко. Снизу доносились отзвуки громкой музыки, рокот голосов, пронзительный женский смех.

— Понятно, — скованно проговорил Круз. — А где были вы в ночь с тринадцатого на четырнадцатое мая?

— Это когда Тони убили? — Мелани сдвинула брови. — В «Берлоге» была не моя смена. Очевидно, дома. Спала. Я стараюсь побольше спать, когда не работаю.

Круз выключил диктофон и негромко произнёс:

— Мелани, вы всё нам рассказали? Дело в том, что Корбетт, когда его убили, как раз шёл на встречу с шантажистом, и у него с собой была крупная сумма денег. Достаточно крупная, чтобы человек... м-м... не отягощённый моральными устоями и всё такое, мог убить из-за неё.

— Вы это к чему? — резко спросила она.

— Вы были связаны с Корбеттом, вы есть на этих фотографиях... — Круз умолк, потом пожал плечами. — Мне отчего-то кажется, что вы в опасности.

Её глаза на миг расширились, и она выдохнула, вскочив с кресла:

— Какая ерунда! Я тут вообще ни при чём. Но Тони мне жалко.

— А его жену? — осведомился Кейт, тоже встав с места. Поднялся и Круз.

— Нет, — не раздумывая, отозвалась Мелани. — Почему мне надо её жалеть?

Круз думал, что она скажет, мол, у вдовы есть деньги и она займёт место мужа в политике, но Мелани проронила:

— У неё был Тони, и остались мальчики. Послушайте, я вам всё рассказала. Давайте сюда свои бумаги, я подпишу.

— Укажите свой адрес, контакты... и не уезжайте из города, — привычной скороговоркой пробормотал Круз.

* * *

— Ещё одна баба, которой ты безоговорочно поверил, не так ли? — съязвил Кейт, едва они с Крузом протолкались к выходу из «Бриллиантовой берлоги» и уселись в машину.

— Не любишь женщин, не так ли? — не менее едко осведомился Круз в ответ. — И верю... и не верю. Она попыталась изменить

внешность, но это понятно: не хотела светиться в этой истории, наверняка у неё есть и другие клиенты. Кстати, хорошо бы прямо сейчас поехать к ней домой, пока она на работе, и опросить соседей.

— Хорошо бы пожрать, — меланхолично заметил Кейт. — Соседи уже, небось, спать залегли.

— Тем лучше, значит, все дома, — отрезал Круз. — Всё, поехали, адрес у нас записан. Потом в участок, отчёт кропать. И пробью её по базе, она там наверняка есть.

Он знал, что адрес, указанный Мелани, вполне может оказаться фальшивым, но нет — тут она не солгала. Снова обычная мебелирашка, но приличная, лифт и стены коридоров не расписаны похабщиной и не обоссаны. Круз позвонил в квартиру слева от квартиры Мелани. Раз и ещё раз. Пронзительная трель разорвала тишину.

— Говорю же, все спят, — пробурчал Кейт, прислонившийся плечом к стене. Он явно выдохся.

Глуховатый голос из-за двери осведомился, кто это, и Круз представился. Дверь открылась на длину цепочки, в щели замаячило бледное и настороженное старушечье лицо. Круз в очередной раз вытащил значок, и через полминуты заскрежетали засовы. Детективы протиснулись в полутёмную, пахнущую кошками прихожую, и кошки немедленно заявили: трёхцветная и белая, уставились на пришельцев жёлтыми глазами.

— Кис-кис, — окликнул Кейт, и обе тут же подошли обнюхать его ноги и потереться.

— Вы им понравились, — удовлетворённо сказала миссис Морено, так звали старушку.

Выяснилось, что она и понятия не имеет, где работает её молодая соседка, и Круз не стал извещать её об этом. Они выслушали искренние дифирамбы в адрес Мелани, которая и красавица-то, и приветливая, всегда помогает довести до дому сумку на колёсиках из продуктового магазина: к сожалению, в тех магазинах, которые нравятся миссис Морено, нет службы доставки, и приходится ходить туда самой, но это тоже хорошо, гулять полезно.

— Да-да, — энергично подтвердил Круз. — Очень полезно.

В глазах Кейта он явственно прочёл: «То-то мы с тобой гуляем, не разгибаясь, третьи сутки», подавил ухмылку и спросил:

— А гости у мисс Салливан бывают?

— У неё часто ночует один очень приятный молодой человек, — слегка помявшись, сообщила старушка. — Не то чтобы я постоянно следила, что у неё происходит, но так получается. Слышны же шаги, разговоры, дверь открывается, когда кто-то приходит. Милейший молодой человек, точнее мужчина, он на несколько лет старше Мелани.

— Он вам представился? Давно они встречаются? — выпалил Круз.

Старушка поправила очки и обстоятельно ответила:

— Он сказал: называйте меня Джейми. А вижу я его здесь с Рождества.

— Опишите его, пожалуйста, — попросил Круз.

Та задумалась.

— Высокий, светловолосый, хорошо сложенный... по виду очень надёжный. Похож на вас.

— На меня? — поразился Круз.

— Да, только вы... э-э... чикано, а он — белый. Не обессудьте, — спохватилась она, — я говорю, как говорили в моём детстве, а мы всегда называли ирландцев «пэдди», а приезжих с Юга — «чикано».

— Да, разумеется, — пробормотал Круз. — А в ночь с субботы на воскресенье Джейми тоже здесь ночевал, не знаете?

Миссис Морено с сожалением развела руками:

— Извините, детектив, я как раз начала принимать новые таблетки от гипертонии, их мне рекомендовал доктор Уильямс, и они оказались такими действенными, что я теперь сплю как сурок. Док Уильямс говорит: когда организм привыкнет к ним, седативное действие снизится, но пока что сразу после их приёма я укладываюсь в постель.

— Понятно, спасибо, — вздохнул Круз. — Вы нам очень помогли. Прошу вас не сообщать о нашем разговоре мисс Салливан. В общем-то, нет ничего страшного, если даже вы и скажете. Однако, думаю, ей будет неприятно.

Он был уверен, что старушка проболтается.

— А что стряслось? — наконец обеспокоилась миссис Морено.

— Просто надо было кое-что уточнить, — дипломатично отозвался Круз. — Так когда вы в последний раз видели этого... надёжного Джейми?

Старушка снова задумалась.

— Гм. Наверное, с неделю назад. И с тех пор он не приходил.

Когда детективы вышли на улицу, Круз задрал голову и посмотрел на окна третьего этажа. Как он и предполагал, миссис Морено караулила их — наверху шевельнулась синяя занавеска. Окна квартиры Мелани были закрыты светлыми жалюзи. По другую

сторону от них вниз с крыши вела пожарная лестница. Круз машинально отметил всё это, напряжённо размышляя.

— Выходит, Мелани стала встречаться с Корбеттом, а потом у неё появился парень, — задумчиво пробормотал он.

— Корбетт — её работа, — пожал плечами Кейт. — Так же, как и танцы в «Берлоге». Ты же разделяешь работу и дом?

— Уже нет, — кратко отозвался Круз и демонстративно посмотрел на часы. — В участок, отчёт и спать.

— А можно завтра отчёт? — заканючил Кейт. — Утром, до прихода Гонсалеса?

— Кэп ночует в участке, — Круз похлопал скисшего Кейта по плечу. — Так что отчёт по-быстрому, и по домам. Кстати, можешь отправляться уже сейчас, если падаешь с ног.

— Вот ещё, — возмутился Кейт, — и ничего я не падаю. Не больше, чем ты, по крайней мере. Кстати, старуха тоже сказала, что ты надёжный, вождь.

Его хитренькую улыбочку Круз предпочёл не заметить.

* * *

Когда Круз наконец рухнул в постель, ему показалось, что звонок в дверь раздался буквально сразу же. Ну, по крайней мере, раньше, чем звонок будильника.

Он не стал гадать, кто бы это мог быть, он снова знал. Со стоном разлепив веки, он потёр лицо ладонями, зевнул и поплёлся открывать дверь Тиммонсу, в руках у которого красовался хрустящий бумажный пакет с пончиками.

— Привет, — весело возвестил он, протискиваясь в дверь мимо Круза. — Пончики, пончики, целые вагончики! Ты кофеварку не купил? Вот так так, чем ты целыми днями занимаешься?

— Я в душ, — пропустив мимо ушей вопрос-подначку, Круз туда и направился.

Пончики, кстати, пахли восхитительно.

— А от тебя и в самом деле есть толк, — с ехидцей похвалил он спустя четверть часа, беря с тарелки очередной пончик.

Кейту похвала явно не понравилась, он насупился.

— Сегодня, — наконец отозвался он не менее ехидно, — я останусь ночевать у тебя, хоть убей. На хрена туда-сюда мотаться?

— Убью, — согласился Круз, — так и быть, уговорил.

Слово повисло в воздухе, и оба приуныли. Дело об убийстве Энтони Ли Корбетта по-прежнему оставалось тухлым. Толпа народу, у всех был мотив, и все как бы ни при чём.

— Давай ещё раз пройдемся по нашим подозреваемым, — предложил Круз. — Гонсалесу дневной план розыскных мероприятий кровь из носу надо выдать.

— Давай, — с энтузиазмом согласился Кейт, дожёвывая последний пончик. — Больше надо было брать, — посетовал он, комкая пакет, — ты их метёшь, как... как пылесос.

— Я?! — оскорбился Круз.

— Ты, ты. Итак, вдову я всё-таки считаю подозреваемой номер один. Мотивов сколько угодно, от мести до желания вернуть свои деньги обратно, и не спорь.

Круз не спорил.

— Что против этой версии — есть алиби на ночь убийства, да и сообщник не просматривается, как ни крути. Возможно, плохо копали. Надо ещё раз опросить прислугу и охрану.

Круз раскрыл блокнот.

— Номер два, — продолжал Кейт, подливая себе кофе, — всё-таки Коллинз из предвыборного штаба. Мог быть любовником вдовы, а неприязнь к ней усиленно разыгрывает. Бумажку из банка притащил, чтобы показаться чистеньким в наших глазах. Сговорился с ней, отследил босса и уколошил, прежде чем тот передал деньги.

— Алло, — Круз помотал головой. — Ты чего? У него же алиби, он летал к родителям на выходные.

— И кто же проверил это замечательное, чудесное, великолепное алиби, м? — Кейт издевательски склонил голову к плечу и прижмурил глаза, а Круз, чертыхнувшись, сделал пометку в блокноте. По крайней мере, розыскных мероприятий для предъявления Гонсалесу набиралось изрядно.

— Номер три... — Кейт чуть задумался. — Дальше все подозреваемые, можно сказать, теснятся, толкая друг друга локтями. Мелани... — он снова задумался, а Круз про себя отметил, что тот называет стриптизёршу по имени, тогда как миссис Корбетт — просто вдовой. — Внятного алиби нет. Соседка спала, в это время наша красавица могла творить всё что угодно: выходить из квартиры, встречаться со своим любовником, как его там... а, Джейми. Найти Корбетта, выследить его и замочить — полный оперативный простор, — Кейт скорчил страшную рожу.

— Да ты сам в это не веришь, — скептически обронил Круз.

— Неважно, во что я верю, в это или в Иисуса нашего сладчайшего, — отмахнулся Кейт, которому явно не хватало обличительных речей в суде. — Вровень с нею идёт весёлый ирландец Муррей. Алиби снова не представил, записывай — надо допросить жену и прочих

домочадцев. Наличие жены, сам понимаешь, не исключает того, что именно он и был любовником вдовы и помог ей расправиться с неверным муженьком.

— Да у тебя все — любовники вдовы, — не удержался Круз, сделав новую пометку в блокноте.

— Не все, — Кейт поскрёб щёку. — Ты, вождь, пока что нет. Не пыхти так, я шучу. Кто у нас в лавке остался?

— Да кто угодно, — сердито буркнул уязвлённый новой подколкой Круз. — Коржик, к примеру.

Кейт поперхнулся последним глотком кофе, а Круз злорадно продолжал:

— Почему нет? Представь, Коржик спит мертвецки пьяным сном, в это время кто-то выбрасывает на помойку ковёр. Затем мимо проходит Корбетт с портфелем, полным денег. Я помню, помню, Фараон ждал его у церкви Мучеников, но он заблудился, к примеру. Коржик проснулся, увидел чувака в клёвом прикиде, с дорогим портфелем, достал палёный ствол и — пиф-паф. Спрятал бабло и ствол, завернул покойника в ковёр, смыл с асфальта кровяку, дождался рассвета и позвонил нам. Всё.

— Ты шутишь, надеюсь, — неуверенно пробормотал Кейт, поглядывая на него.

— Почти, — величественно обронил Круз. — Ладно, в то, что тут замешан Коржик, я, разумеется, не верю. Кстати, он до сих пор отирается на той же помойке. Но имеет смысл ещё раз пройти по всему рассказу Фараона, пока тот сидит у нас в предварилке. Врёт он складно и вроде бы всё сходится, но, возможно, он всё-таки самолично уколошил Корбетта и забрал денежки.

— Он бы тогда смылся с ними сразу же, — возразил Кейт. — Нет, перейдём лучше к нашему дорогому другу Акуле. Мотив у негодохлый, согласен, подумаешь, недостроенный кабак, но он, может, особо мстительный говнюк, который никому не позволяет переходить себе дорогу. Ну, пунктик у него такой.

Круз почесал затылок. Раздолбай и сибарит Акула никак не походил на описанного Кейтом психопата, но всякое же бывает.

— Всякое бывает, — повторил он вслух. — Ладно, гони дальше.

Кейт просиял. Ей-богу, этому болтуну не хватало болтологии.

— Смотри! В ту ночь Акула торчал в «Пеликане», отплясывал на танцполе, бухал, шпилил девок и всё такое. Но, допустим, когда каждая из этих цыпуль считала, что он развлекается с другой, он взял и — хоп! — выскочил через чёрный ход. Сел в свой «порше» — или что там у него, — оказался у церкви раньше Фараона, прикончил Корбетта, забрал деньги и, инфернально хохоча, привёз труп к себе в отель. Там вытащил из какого-нибудь пустого номера ковёр, замотал в него труп, выбросил на помойку и вернулся к своим цыпулям в «Пеликан».

— Инфернально хохоча, — подхватил Круз, невольно приснув.

— Именно, — Кейт торжественно поднял палец и сам зафыркал.

— Классный гон, но не пойдёт, — определил Круз. — Гонсалес нас за такую версию подвесит за ноги над муравейником. Кстати, — он полистал блокнот. — Я же отправил Робинсона и Коррадо по тем адресам, что ты тогда привёз из церкви на Сиреневой, помнишь? Ну, народ, скупивший благотворительные ковры из отеля Акулы. Так вот, ковры все на месте, наши парни поклялись, что зашли в каждую гостиную, где они лежали, и подёргали за углы, фигурально выражаясь. Так что и тут всё тухло. Ты чего?

Кейт сидел с таким видом, будто его оглоушили по башке чем-то тяжёлым, и смотрел в одну точку.

— Эй, — Круз озабоченно помахал ладонью у него перед носом. — Очнись! Что стряслось?

— Вспомнил, — медленно выговорил тот. — Я тебе прошлым утром хотел сказать, что меня зацепило, и забыл, а потом мы закрутились.

— Да что такое? — поторопил Круз.

— Ковры, — лаконично пояснил Кейт, срываясь с места. — Пастору передали тринадцать ковров, он постелил в воскресной школе один из них, остальные ушли на благотворительный аукцион.

— Ну да, — перебил его Круз, — я же только что сказал, что они все на месте. В чём проблема?

— В том, что ковров — тринадцать. А номеров на втором этаже этого сраного отеля с новыми коврами — четырнадцать. Кто из наших знакомых доставлял в церковь ковры, и куда он дел один из них? А? Смекаешь, Кастильо?

— Т-твою ж мать, — выдохнул тот, хватая пиджак и машинально проверяя, на месте ли пистолет и значок. Разумеется, он смекнул.

Они выскочили из дома и помчались к «доджу», но тут Круз сообразил, что вчера не успел заправить машину, собираясь сделать это утром, и на ходу крикнул Кейту:

— Бензин есть?

— Полный бак, — отозвался тот.

— Поехали на твоей.

Круз подумал ещё: надо бы отзвониться Гонсалесу в участок и предупредить, что они раскручивают новую версию и им, возможно, потребуется подмога, но было уже не до того. Азарт погони, азарт ищейки, наконец взявшей след, забурлил у него в крови.

И к отелю Акулы они подкатили как раз тогда, когда управляющий Питер Хопкинс — высокий, обаятельный, светловолосый, хорошо сложенный, надёжный — уселся в свой серый «ровер», и тот сорвался с места.

— За ним! — процедил Круз, прищурившись.

Возможно, Хопкинс был ни при чём. Возможно, стоило задержаться, позвонить куда следует и переложить погоню на патрульных полицейских. Но Круз просто не мог сейчас остановиться, и Кейт тоже не мог — Круз понимал это, глядя на его сосредоточенное лицо.

— Надо, чтобы он не допёр, что это мы, — распорядился он. — Держись на расстоянии.

— Не учи учёного, — буркнул Кейт, вертя баранку руля. — Мать их, откуда всех чёрт принёс?!

Впереди раскорячился какой-то зелёный семейный минивэн с чернокожей мамашкой за рулём и с курчавым эрдельтерьером в обнимку с толпой детей на заднем сиденье. Затем на перекрёстке всё движение остановила ярко-алая пожарная машина, огласившая округу пронзительным воем. Хопкинс сумел проскочить перекрёсток прямо у неё перед носом.

Кейт в сердцах стукнул ладонью по баранке и невнятно выругался.

— И чего у тебя в машине нет рации? — простонал Круз, вылетая из «мерса». — Ты же понял, куда он катит?

— Как не понять, к Мелани! — прокричал Кейт ему вслед. — Смывается и хочет забрать красотку с собой!

Подбежав к ближайшей телефонной будке и бесцеремонно выставив оттуда какого-то студентика в очках, Круз наконец дозвонился до Гонсалеса, в нескольких словах обрисовал ситуацию и попросил прислать патрули на адрес Мелани Салливан. Потом вернулся к Кейту.

— Поехали! — скомандовал он, захлопывая дверцу. — Возможно, патрульные будут там раньше нас.

Но и они с Кейтом, и патрульные всё-таки опоздали.

* * *

Когда Круз и Кейт выскочили из «мерса» возле дома Мелани, патрульная машина действительно стояла там, мигая маячком. Однако полицейских, кроме водителя, в ней не было — они уже зашли в подъезд и направились к квартире. Круз на миг застыл на месте, увидев, как Хопкинс, вынырнув из окна Мелани, хватается за перекладины пожарной лестницы. Хватается, смотрит вниз и, заметив детективов, быстро-быстро начинает карабкаться на крышу.

Круз и Кейт кинулись к лестнице.

Из окна Мелани выглянул озабоченный полицейский, увидел Круза, узнал и крикнул:

— Детектив, девчонку он, похоже, убил, а соседка жива осталась.

Круз только скрипнул зубами и гаркнул, не останавливаясь:

— Звони 911, чего встал?!

Он задыхался от бешенства. Такую красоту загубил, гадина, тварь!

Они с Кейтом вылетели на крышу, оскальзываясь и грохоча ботинками по кровле. Спина Хопкинса маячила далеко впереди. Круз выхватил пистолет.

— Правильно, прикончи его!! — свирепо проорал Кейт. — Прикончи гада, я скажу, что он... стрелял!

— Ого, прокурорский! — оскалился Круз.

И тут Хопкинс действительно шмальнул в них, обернувшись. Пуля цвкнула по воздуховоду, и тогда Круз тоже пальнул — по ногам мерзавца. Взыв, Хопкинс покатился по крыше, выронив револьвер и зажав ладонью бедро.

— Высоко взял, — пропыхтел Круз, сдёргивая с пояса наручники. — Имеешь право хранить молчание, сука! — он с удовольствием врезал бы Хопкинсу по роже рукоятью пистолета, но нельзя, нельзя. — Всё, что ты скажешь, может и будет использовано против тебя в суде. И твой грёбанный адвокат может присутствовать при допросе! И, несмотря на это, ты пойдёшь в газовую камеру, скотина!

Хопкинс со стоном уронил голову, крупно вздрагивая.

— Я не хотел... — невнятно пробормотал он. Круз презрительно сплюнул и принялся сдергивать с себя ремень — перетянуть ублюдку ногу повыше раны.

— Низко взял, а не высоко, — посетовал запыхавшийся Кейт. — Надо было яйца ему отстрелить.

Внизу снова завыли полицейские сирены.

— Кавалерия никогда не поспевает вовремя, — проворчал Круз.

* * *

Спустя несколько часов Хопкинс пребывал в тюремном госпитале, миссис Морено — в муниципальной больнице святого Марка, Мелани Салливан — в морге

— Получается, на этом мерзавце два убийства и покушение на убийство, — констатировал Гонсалес, кладя на стол отчёт Круза.

— Да, Энтони Корбетт, Мелани Салливан и миссис Морено, — глухо отозвался Круз. — Слава богу, хоть старушка жива осталась.

— Соседка заглянула, услыхав выстрел, — кивнул капитан. — Дверь он с психу позабыл за собой запереть. Она увидела, как Хопкинс стоит над умирающей девчонкой, вцепилась в него, и тогда он её придушил. Храбрая старая перечница. Это она успела полицейским рассказать. Ладно, бумажки бумажками, давайте выкладывайте, как вы вышли на него.

Круз глубоко вздохнул:

— Ковры, сэр. Акула, то есть Фергюсон, сообщил, что по его распоряжению те приметные ковры из его отеля, в одном из которых нашли труп Корбетта, не так давно были заменены на новые. Весь второй этаж. На этом этаже четырнадцать номеров. Мы их все обошли — вместе с Хопкинсом, который и сказал нам, что старые ковры отправлены на церковную благотворительную распродажу. Но он не упомянул, что самолично туда их отвёз, а по дороге один из них забросил к себе домой. Он знал, что хозяину без разницы, куда денутся эти ковры, и решил поживиться. Скатанный ковёр он пока приткнул в гараже. Тем временем Фараон принялся шантажировать Корбетта фотоснимками, тот рассказал обо всём Мелани, а она поделилась с Хопкинсом. Управляющий знал, чем зарабатывает любовница, это его не волновало. Саму же Мелани волновало, не всплывёт ли её имя во всей этой истории, которая могла попасть на страницы газет, поэтому она остригла волосы и сделала новые татуировки.

— А как Хопкинс встретился с Корбеттом? — спросил капитан, сложив руки «домиком» на столешнице. Лицо его было хмурым и замкнутым.

— К сожалению, случайно, — вступил Кейт. — Вернее... — он быстро посмотрел на Круза.

— Миссис Корбетт нам сказала, что в ночь убийства волновалась, как бы её Энтони не попытался сбежать с деньгами и с любовницей. Так вот, он действительно хотел это сделать, — вздохнул тот. — Он отлично понимал, что жена слишком горда, чтобы напустить на него полицию. Хопкинс как раз был в квартирке Мелани, когда явился Корбетт, чтобы уговорить Мелани уехать с ним. Хопкинс вылез на пожарную лестницу. Мелани решила, что он ушёл, но он стоял снаружи и слышал весь спор Корбетта с любовницей. Мелани отказалась уехать, и Корбетт понёс деньги шантажисту. Но не донёс, потому что Хопкинс догнал его и застрелил — под мостом на Корвен-стрит. Бог знает, почему Корбетт остановил машину и вышел к нему, когда он его догнал, — возможно, он попросил помощи или ещё что, обаятельный гад. Надо уточнить на допросе. В общем, он застрелил его из тридцать восьмого. Мы уже нашли там пулю в опоре моста и стреляную гильзу — Хопкинс её не нашёл, было темно, и он спешил. Он погрузил тело в свою машину, которую потом тщательно отмыл, и отвёз к себе в гараж. Тут-то ему и пригодился позаимствованный ковёр. Он завернул в него труп и вывез туда, где его потом нашёл Коржик... то есть Эзра Смит. Простите, сэр, в глотке пересохло, — повинился он, с вождением глядя на графин с водой на столе капитана. Тот молча пододвинул к нему графин и стакан.

— Мы начали расследование, и Хопкинс забеспокоился, — перехватил инициативу Кейт. — Во-первых, не всплывёт ли его афера с ковром, но тут он уже ничего не мог поделать, только

надеяться, что мы не обратим внимания на количество ковров. А во-вторых, он опасался, что Мелани поднимет шум, поняв, кто именно убил Корбетта. Она была девушкой умной и действительно обо всём догадалась. Нам она, к сожалению, не рассказала ничего...

— Рассказала бы — осталась бы жива, — проворчал Гонсалес.

Кейт пожал плечами:

— Она не привыкла доверять полицейским. Но и с Хопкинсом не встречалась. Он пришёл к ней сам — уже с деньгами и с предложением сбежать через границу, в Мексику. Она накинулась на него, стала обвинять... в общем, он её застрелил. Нам пожаловался, что не выдержали нервы.

— Раскололся, как гнилой орех, — брезгливо сморщился Круз. — Ещё на крыше.

— Хорошая работа, Кастильо, — похвалил капитан после паузы и повернулся к Кейту. — Это и к вам относится. Вы хорошо сработались. Не желаете перейти к нам в управление, забросив свои бумажки?

Круз едва за голову не схватился, услышав эдакое.

— Я подумываю об этом, — сдержанно отозвался Кейт. — Но у меня ещё неделя отпуска, я пока поработаю безвозмездно. Для укрепления нервов.

— Было бы отлично, — сдержанно проронил Гонсалес. — Ну, что сидите? Дело закрыто, преступник найден, отчёты написаны. Идите уже по домам, ребята... и хорошенько напейтесь, — он сделал величественный жест своей большой рукой. — Вы заслужили. А я подумаю, как это всё подать мэру и прессе.

И он снова уткнулся в бумаги.

— Ничего себе, — прошептал Тиммонс на ухо Крузу, когда они вывалились из начальственного кабинета. Все в участке радостно лыбились, глядя на них, хлопали по плечам и пожимали руки.

— Да, это не в твоей прокуратуре, — шепнул в ответ Круз. — Спасибо, парни.

— Стало как-то скучновато, — неожиданно проговорил Кейт, когда они вышли на улицу, под яркое майское солнце, и направились к смиренно дожидавшемуся «мерсу». — И для выпивки ещё рановато, не находишь.

— Адреналинщик хренов, — слегка развеселился Круз. — Нахожу. Но мы можем... э-э-э... в кино пойти.

— У нас, никак, свидание, Кастильо? — театрально ахнул Кейт, косясь на него.

— Размечтался, — отрубил Круз. — Просто в кино. Возьмём попкорна и колы.

— И сядем на места для поцелуев, — подхватил Кейт, увернувшись от увесистого тычка в бок. — Ладно тебе. Каждый же имеет право на мечту.

===== Вдул! =====

Когда помощник окружного прокурора Санта-Барбары Кейт Тиммонс традиционно появился рано поутру к детективу Крузу Кастильо с промасленным пакетом ещё тёплых пончиков, тот так же традиционно проворчал, распахивая перед ним входную дверь:

— Ну вот что ты всё шляешься, Тиммонс? Заняться нечем? Так выходи уже на работу. Отпускник хренов. Прокурор твой соскучился небось.

Кейт в ответ только ехидно ухмыльнулся и ничего не ответил, протискиваясь в дом мимо Круза. Хотя мог бы сказать, что не желает отсиживать задницу в офисе, а предпочитает мотаться с Крузом по его делам, прикрывать ему спину, поддразнивать его, нахально пялиться на него... и да, кормить его по утрам пончиками.

— Ты же свою тачку опять в ремонт сдал, — напомнил наконец Кейт, принюхиваясь к распространившемуся из кухни аромату свежесваренного кофе. Круз варил кофе просто божественно, научившись этому у мамы. Ох уж эти мамочки-чиканос!

— А, то есть ты теперь мой водитель? — поднял брови Круз в деланном изумлении, запуская руку в пакет, принесённый Тиммонсом.

— Так точно, сэр, — Тиммонс шутовски отсалютовал ему и даже поклонился, а Круз закатил глаза. Всё, как обычно. Но он уже и сам не представлял себе, как встречать утро без Тиммонса, без пончиков Тиммонса и без пикировки с Тиммонсом, будь он неладен, этот ехидина и выпендрёжник.

Помощник окружного прокурора не так давно сменил свою прежнюю тачку на новёхонький вишнёвый «порше», которым очень гордился и чуть ли не полировал носовым платком. Каждую кляксу птичьего помёта на капоте он воспринимал как личное оскорбление.

Поэтому, когда лобовуха «порше» посыпалась от выстрела, Кейт взвыл так, будто выпущенная какими-то гондонами пуля угодила ему как минимум в причинное место.

Солнечное утро с пончиками и кофе закончилось совсем не так безоблачно, как начиналось, а будто в банальном детективе: едва Тиммонс свернул к церкви Сен-Мартинс, они с Крузом одновременно увидели выбегающих из только что открывшегося магазина «Стар Левел» двух молодых смуглокожих парней с дредами. Парни торопливо рассовывали что-то по карманам курток.

Вслед им неслись пронзительные ругательства хозяина магазина. Столь же пронзительно звенел с крыльца сигнал тревоги.

Грабители!

Тиммонс ударил по тормозам.

— Полиция! Ни с места! — гаркнул Круз, распахивая дверцу и вылетая наружу с пистолетом в руке. — Desmadre!

Вот тут-то один из юных мудил развернулся и пальнул, в сторону Круза. Лобовое стекло «порше» со звоном разлетелось, а Тиммонс завопил как резаный.

Вторая пуля цвикнула по дверце машины, и отчаянные вопли Тиммонса поднялись на октаву выше.

— Пригнись! — заорал ему Круз и принялся палить по колёсам фургона, к которому бежали грабители. Не будь дураками (хотя, конечно, идиотами), они поняли, что уехать не смогут, и юркнули не в кабину, а внутрь самого фургона. Дверцы захлопнулись.

— Desmadre! — свирепо повторил Кастильо и обернулся к Кейту: — Это бронированная гробина, не знаю, где эти олухи её достали, но внутри можно сидеть до второго пришествия. Или до пришествия спецназа. Фу-ух! — он вытер потный лоб свободной рукой. — Что ты там роешься?

Кейт лихорадочно шарил в бардачке с перекошенным от злости лицом. Потом, пригибаясь, доскакал до багажника изувеченного «порше», распахнул его и извлёк на свет божий монтировку.

— О, — только и вымолвил Круз, а Кейт, на всякий случай пригнувшись, бросился к фургону с криком:

— Прикрой мне жопу!

Круз последовал за ним, слегка озадаченный. Видимо, увечья, нанесённые «порше», пробудили в пижоне Тиммонсе яростного берсерка.

Вдали уже выли полицейские сирены.

— Ты что, ломом фургон крушить собрался? — выкрикнул Круз на бегу. Ей-богу, он не ожидал от щёголя Тиммонса такой прыти.

Тот лишь сверкнул глазами через плечо и в два прыжка достиг задних дверей фургона, за которыми притаились горе-грабители, запершиеся изнутри.

Замок хочет раскурочить, подумал Круз, держа пистолет наизготовку, но Тиммонс, матюгнувшись, парой ударов лишь сбил с замка накладку и извлёк из кармана красный перцовый баллончик. Не успел Круз и слова внятного вымолвить, как бывший помощник окружного прокурора, а ныне берсерк со злорадным хохотом

направил струю из баллончика в образовавшееся отверстие, внутрь фургона.

Спустя пару секунд оттуда раздались приглушённые вопли, Крузу показалось, что фургон даже начал раскачиваться. Наконец одна дверца распахнулась, парни вывалились наружу, хватаясь обеими руками за свои искажившиеся физиономии. Круз даже пожалел их слегка — zenки им, видать, жгло нестерпимо. Они кашляли и отплёвывались.

— На землю! — рявкнул Круз, не давая никому опомниться. — На землю, паскуды! Руки за спину!

Парни послушно растянулись на земле мордами вниз. Они скулили и матерились. Круз ловко нацепил на них браслеты, бормоча при этом пресловутое правило Миранды, как полагалось при аресте: эту мантру про «Вы имеете право хранить молчание» он произнёс бы и во сне. Кейт, всё ещё тяжело дыша, ловко пнул носком своей начищенной туфли в бок того идиота, который открыл пальбу.

— Позабочусь, чтобы старина Пайк закатал тебя в тюрьму лет на десять, — зловеще пообещал он и вдруг рассмеялся, поворачиваясь к Крузу.

Тот слегка попятился, не зная, чего уж и ждать от взбесившегося Тиммонса.

А Кейт весело выпалил:

— Вот это я вдул!

И подмигнул Крузу, который привычно закатил глаза, но тоже не удержался от смешка.

А рядом уже разворачивались полицейские машины.

Утро всё-таки удалось.